

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(НИУ «БелГУ»)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ГАЗЫ

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки 46.03.05. Педагогическое
образование, профиль: история и обществознание
очной формы обучения, группы 02031302
Бавтрукович Влады Олеговны

Научный руководитель
д.и.н., профессор
Болгов Н.Н.

БЕЛГОРОД 2018

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ПАЛЕСТИНЫ	12
1.1. Отечественная историография истории Сирии и Палестины	122
1.3. Зарубежная историография истории Сирии и Палестины	233
ГЛАВА II. РАННЕВИЗАНТИЙСКАЯ ГАЗА: ГОРОД И МОНАХИ	31
2.1. Исторический фон Газы Палестинской в VI веке	31
2.2. Монашеские общества позднеантичной Газы	344
ГЛАВА III. РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ И РИТОРИКИ В ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ГАЗЕ.....	433
3.1. Прокопий Газский.....	433
3.2. Авва Дорофей.....	47
3.3. Варсонофий Великий.....	544
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	63
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	67

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. В наши дни Ближний Восток является ареной острых конфликтов, несмотря на то обстоятельство, что именно здесь появился современный человек. На протяжении тысячелетий вся его история была историей войн и столкновений на культурной почве, описания которых знакомы людям по всему миру, читающим Библию.

Процессы христианизации, охватившие Римскую империю с IV в., вызывали противодействия определенной части населения средиземноморской державы. Прежде всего, принятию новой веры противились те слои позднеимперского общества, которые видели опору своего общественного положения в институтах, сформировавшихся в период классической античности, в том числе, традиционных языческих культах.

Одной из социальных групп, продолжительное время противодействовавших христианизации, была муниципальная аристократия городов Востока, опиравшаяся на постепенно отмиравшие полисные социоэкономические структуры. Муниципальные культы являлись неотъемлемым элементом полисного строя, во всем своем многообразии служившие выражением верности традициям муниципальной жизни.

Борясь за сохранение язычества с его многочисленными местными культами, муниципальная знать отстаивала известную политическую, экономическую и культурную автономию полисов во главе с курией. Одним из наиболее примечательных примеров противостояния муниципальной знати распространению христианства является деятельность куриальной аристократии Газы Палестинской.

Не стоит забывать, что именно в этих землях начинал свой земной путь тот, кого называют Мессией, отсюда разошлись по миру его апостолы-ученики, здесь зародилось христианское монашество.

Отношение исследователей к восточно-христианскому монашеству в течение последних 50 лет изменилось: если ранее оно интерпретировалось

как движение бедного необразованного крестьянского населения, сейчас монастыри Восточной Римской империи рассматриваются как центры образования, которые сыграли важную роль в переносе классической культуры от античности к средним векам.

Таким образом, актуальность дипломного исследования заключается в том, что в связи с вышеуказанными аспектами изучение христианизации ранневизантийской Газы в отечественной дореволюционной и современной западной исторической науке является важной темой, и ввиду этого исследователи пытаются по-новому посмотреть на краеугольный камень христианской культуры. Также стоит отметить, что с точки зрения исторического опыта, изучение и обобщение материалов по данной теме позволяет выйти на новый уровень исторического синтеза по актуальным проблемам, которые представляют на сегодняшний день повышенный научный интерес для ученых-историков.

Степень изученности проблемы. Этапы сирийской и палестинской истории исследователями прошлых эпох традиционно рассматривались как фрагменты истории деспотий Междуречья, державы Александра Македонского, Римской и Византийской империи¹. Тем не менее, изучение переходной (позднеантичной) эпохи открывает перед исследователями новые перспективы, поэтому акцент в изучении всё чаще делается на IV-VII вв., выделенные британскими историками в особую историческую эпоху², объясняющую комплекс и механизм изменений античного общества, предопределивших его превращение в общество средневековое.

Несмотря на безусловную привлекательность исторического наследия Сирии и Палестины, до недавнего времени столь важный культурный феномен как, например, газское монашество, рассматривались как движение бедного, необразованного крестьянского населения³, тогда как сейчас

¹ Breasted J. H. Ancient times, a history of the early world. – NY, 1916.

² Brown P. The world of late antiquity. – NY, 1971.

³ Heussi K. Der Ursprung des Mönchtums. – Tübingen, 1936.

монастыри Восточной Римской империи считаются крупными образовательными центрами⁴.

В ряде подробных академических работ по византийской истории – первых в отечественной науке⁵ – впервые затрагивается тема восточных провинций, среди которых Сирии и Палестине уделяется отдельное внимание, хотя они продолжают рассматриваться в контексте экономической, социальной и политической истории государства.

Принятие монашества с самого начала подразумевало, прежде всего, следование особому образу жизни и правилам, которые касались всех сфер повседневной жизни: питания, одежды, распорядка дня, устройства общины, контактов с людьми и др. Тем не менее, до сих пор повседневная жизнь палестинских монастырей остаётся практически неизученным вопросом.

Проблемой газского монашества сейчас активно занимается американский историк Дженнифер Л. Хэвелон-Харпер⁶, подробно рассмотревшая обстоятельства зарождения, существования и развития такого явления как газское монашество, в отличие от ряда исследований, где в центре внимания находятся Константинополь, Египет и Эфиопия.

Описываемый в данной работе период является очень важным в истории монашества, периодом его становления и развития. Он представляется весьма интересным в контексте изучения истории западного христианства и всей неразделенной тогда еще Церкви. При этом многие темы остаются недостаточно или совсем неисследованными.

В отечественной историографии Прокопий Газский не привлек внимания исследователей⁷. Только в монографии В.Е. Вальденберга,

⁴ Rubenson S. Letters of St. Antony: Monasticism and the Making of a Saint. – Minneapolis, 1995. – P. 120-122.

⁵ Кулаковский Ю.А. История Византии. – СПб., 1996; Васильев А.А. История Византийской империи. – СПб., 1997; Успенский Ф.И. История Византийской империи. – М., 1996.

⁶ Hevelone-Harper, Jennifer L. Disciples of the Desert: Monks, Laity, and Spir-itual Authority in Sixth-Century Gaza. – Baltimore, 2005.

⁷ Отсутствуют развёрнутые упоминания до 1990-х годов, до сих пор не вышло биографическое сочинение.

подготовленной к печати практически век назад, но опубликованной лишь в 2008 г., был проанализирован его «Панегирик Анастасию» (информация по прочим сочинениям отсутствует) и лишь в контексте политических идей Ранней Византии⁸.

Особенную важность для исследования, несмотря на давний выход, имеет работа Дерваса Читти⁹, представляющая собой, по его собственным словам: «вводный очерк по истории трех первых веков египетского и палестинского монашества (отсылающий читателя к более серьезным исследованиям и оригинальным работам, указанным в примечаниях), который мог бы стать для будущих исследователей своего рода отправной точкой или ориентиром». Этот, уже давно хрестоматийный, труд по истории древнего христианского монашества, в котором богатство материала и строгость его подачи сочетаются с необычной живостью изложения, не утратил своего значения и поныне.

То же можно сказать и о важных для исследования ранневизантийской Палестины и, в частности, Газы, работе Гленвилла Дауни, а также ряде его публикаций¹⁰. Вышедший несколько десятилетий назад, его труд до сих пор сохраняет актуальность для исследователя столь контрастного региона, каким являлась Газа в рассматриваемый период. Активно привлекая археологические и письменные свидетельства, исследователь в деталях рассматривает историю Палестинской Газы на протяжении целого века, устраивая экскурсии и в более ранние исторические периоды.

Современные исследования прояснили некоторые частные вопросы, касающиеся христианской жизни Газы и ее окрестностей, но, несмотря на это, общая картина ее истории остается до сих пор практически неисследованной и требует дальнейшей разработки в различных аспектах

⁸ Вальденберг В. Е. История византийской политической литературы. – СПб., 2008. – С. 150—165.

⁹ Читти Д. Град пустыня: Введение в изучение египетского и палестинского монашества в христианской империи. – СПб., 2007.

¹⁰ Downey G. Gaza at Early Sixth Century. – Norman, 1963. Downey G. The Christian School of Palestine: A Chapter in Liter-ary History // Harvard Library Bulletin. 12. 1958. – P. 297—319.

(духовном, социальном, материальном). Тем не менее, накоплено достаточно материала для достижения цели и выполнения задач, поставленных перед работой.

Источниковая база исследования. Ввиду новизны темы, обширность и вариативность источников исследования газского монашества в данный момент невелика.

Полученные на сегодняшний момент археологические данные не могут изменить имеющиеся к настоящему времени оценки исследователей¹¹.

Изучение истории Земли обетованной сложно представить без обращения к Библии¹², сюжеты и образы которой послужили примерами для видных деятелей той эпохи.

Наиболее важными письменными источниками являются агиографические сочинения: «Житие Илариона Великого (Газского)»¹³, почитаемого в Русской Православной и католической Церквях, где рассказывается о его сопротивлении легиону бесов и праведнической деятельности на палестинской земле, а также корпус сочинений Аввы Дорофея¹⁴.

Важную информацию для исследователя могут дать монашеские уставы, например: устав святого Бенедикта (Венедикта) Нурсийского¹⁵ и устав мужского монастыря св. Саввы Освященного¹⁶.

Особое значение для понимания людей позднеантичного общества представляют эпистолярные произведения, как-то: письма патриарха

¹¹ Чехановец Я.М. «Marnas victus est a Christo». К вопросу о христианизации древней Газы // Мнемон. 5. – СПб., 2006.

¹² Библия. Режим доступа: <https://www.bibleonline.ru/>

¹³ Димитрий Ростовский. Житие преподобного отца нашего Илариона Великого. – Режим доступа: <https://www.theprayerbook.info/4500-zhitie-ilariona-velikogo.html>

¹⁴ Дорофей авва. Поучения, послания, вопросы и ответы. – М., 1991.

¹⁵ Древние иноческие уставы, собранные епископом Феофаном.– Режим доступа: <http://baznica.info/article/svyatoi-benedikt-i-ego-ustav-monasheskoi-z/#sthash.MMqyK8Bq.dpuf>

¹⁶ Устав лавры св. Саввы Освященного. – Режим доступа: http://www.abc-people.com/shop/cava_reverend.htm

Тарасия¹⁷, но наибольший интерес представляет переписка Варсонофия и Иоанна Газского¹⁸. Переписка Варсонофия и Иоанна Газского, включающая более 800 писем – уникальный источник для изучения динамического взаимодействия между духовными отцами и их учениками. Одной из причин того, что современные ученые не в полной мере использовали письма от Варсонофия и Иоанна, было отсутствие доступности к греческому тексту, но недавняя публикация критического выпуска с французским переводом готовит путь к рассмотрению этих доказательств. Коллекция писем привлекла внимание переводчиков, предоставив и историкам, и студентам лучший доступ к критическому основному источнику для социального мира шестого века Византии. И хотя самая ранняя сохранившаяся рукопись, содержащая фрагменты 40 писем, датируется XI веком, их содержание отражает социальные и религиозные мировоззрения «человека переходной эпохи», тем более что исламские завоевания византийской Палестины и Египта существенно изменили политическую и духовную действительность Газы.

Полезным источником является одна из наиболее авторитетных книг в своём жанре – «Церковная история» Эрмия Созомена Саламинского¹⁹, содержащая подробный фактологический материал по истории восточных византийских провинций рассматриваемого периода.

Монахи, бежавшие из Египта, записали высказывания «отцов пустыни», собрав «*Apophthegmata Patrum*»²⁰, обширную коллекцию аскетического обучения, которое продолжило формировать монашескую духовность многих последующих поколений.

¹⁷ Послание Тарасия, Святейшаго патриарха Константинополя, новаго Рима, к Адриану, папе древняго Рима. – Режим доступа: <http://russiantheory.ru/?p=1151>

¹⁸ Варсонофий Великий и Иоанн Пророк. Руководство к духовной жизни в ответах на вопросы учеников. – Режим доступа: <http://predanie.ru/varsonofiy-i-ioann-prepodobnyye/book/68048-varsonofiy-i-ioann-rukovodstvo-k-duhovnoy-zhizni/>

¹⁹ Эрмий Созомен Саламинский. Церковная история. – СПб., 1851.

²⁰ Изречения Египетских Отцов / сост. А.И. Еланская. – СПб., 2001.

Тесные связи между содержанием и формой «*Aporhthegmata Patrum*» и перепиской Варсонофия и Иоанна не должны затенять различия. «*Aporhthegmata*» представляет богатую устную традицию: Варсонофий и Иоанн вели общение через письменный диалог, так как обрекли себя на одиночество, в то время как «*Aporhthegmata*» показывает убеждения святых отцов и их аскетические достоинства: смирение, повиновение и самообладание.

Уникальная информация содержится в последних книгах «Хронографии» Иоанна Малалы²¹ – антиохийского ритора, деятельность которого приходится, в основном, на VI век, благодаря которым мы можем узнать о событиях в Сирии, однако, недостаточная образованность автора позволяет предположить знакомство с реалиями Константинополя и Палестинской Газы.

Сочинения Феодора Студита (759–826 гг.) и студийский Ипотипос²², представляющий собой изложение некоторых богослужебных и дисциплинарных обычаев, а также многочисленные позднейшие ктиторские уставы, написанные под влиянием Студийского устава, несмотря на своё более позднее происхождение, позволяют разъяснить более ранние реалии повседневной жизни киновии, в особенности питание.

Нельзя обойтись и без трудов более позднего периода, предоставляющих возможность посмотреть на происходившие события глазами константинопольских монахов²³.

В целом историография в контексте рассматриваемой темы раскрывает определенные проблемы, однако, исчерпывающего

²¹ Иоанн Малала. Хронография. Книги XIII-XVIII / Мир поздней античности. Документы и материалы. Вып. 2. – Белгород, 2014.

²² Феодор Студит. Творения. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/studit_1/

²³ Древние иноческие уставы, собранные епископом Феофаном. – Режим доступа: <http://baznica.info/article/svyatoi-benedikt-i-ego-ustav-monasheskoi-z/#sthash.MMqyK8Vq.dpuf>

исторического сочинения по данной проблематике подготовлено не было.

Цель работы: проанализировать процесс христианизации позднеантичной Газы и формирования монашеской традиции.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие **задачи**:

- определить научные достижения отечественных учёных в изучении Сирии и Палестины;
- установить роль европейских учёных в исследовании Сирии и Палестины;
- исследовать развитие газского монашества с учётом исторического фона Газы Палестинской в VI веке нашей эры;
- оценить роль Прокопия Газского в развитии газской монашеской традиции;
- изучить наследие аввы Дорофея;
- проанализировать сохранившиеся письменные сочинения святителя Варсонофия.

Методологической основой работы выступает концепция Поздней античности, предусматривающая рассмотрение истории Сирии и Палестины в IV-VII вв. как особого (ранневизантийского) периода истории, в который происходит трансформация античного общества и происходит появление новых элементов.

Для лучшей группировки и изложения материала был использован принцип историзма, позволяющий проследить эволюцию такого сложного процесса как христианизация и установить степень трансформации отношений.

При анализе работ исследователей используется принцип объективности, суть которого заключается в отстранённом и беспристрастном рассмотрении фактов, изложенных в работах исследователей, и их оценке.

В работе используются следующие **методы**:

- сравнительно-исторический – для сопоставления результатов, достигнутых учёными разных исторических эпох;
- метод комплексного анализа – для формирования целостной картины результатов научных исследований;
- метод анализа источников – для учёта обстоятельств создания источников исследования и целей, которые перед собой ставили их авторы;
- историко-биографический – при рассмотрении наиболее значимых персоналий по теме работы;
- историко-генетический – для определения обстоятельств зарождения изучаемых явлений.

Объект исследования: Палестинская Газа в VI в.

Предмет исследования: христианизация Газы в VI в.

Географические границы исследования охватывают территорию ранневизантийской Газы.

Хронологические рамки работы охватывают конец IV- конец VI вв.

Практическая значимость исследования заключается в том, что использование данного материала возможно при организации факультативов по истории Ранней Византии в средних и высших образовательных учебных учреждениях.

Работа состоит из введения, двух глав, разделённых на шесть параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы.

Апробация результатов исследования. Промежуточные результаты исследований были представлены на конференциях: «Классическая и византийская традиция» (Белгород, 2015-2017) и «Белгородский диалог» (Белгород, 2015).

ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ПАЛЕСТИНЫ

1.1. Отечественная историография истории Сирии и Палестины

Несмотря на повышенное внимание к византийской культуре, правопреемником которой в статусе православного центра позиционировало себя Российское государство, собственно научный интерес к истории восточной части Римской империи и истории монашества возрос с развитием исторической науки – в первой трети XIX века²⁴.

Однако можно сказать, что вплоть до середины XIX века изучение византийской истории велось исключительно в рамках трёх основных направлений:

Во-первых, Византия рассматривалась как сосед и противник Древней Руси, оказывавший сильное политическое и культурное влияние, хотя собственно византийские реалии для отечественного исследователя теряли своё значение, поскольку наблюдались на втором плане, передавались с помощью упрощений и аналогий. Таким образом, из-за отсутствия связанного повествования и невнимания к деталям фрагментарные описания не складывались в единую целостную картину.

Во-вторых, изучение византийской истории происходило в результате знакомства с предметами изобразительного искусства и архитектурными памятниками Древней Руси и в ходе анализа письменных источников (начиная с «Повести временных лет»), в составе которых часто содержались отсылки к византийским образцам и хроникам. Это давало возможность косвенно, в результате скрупулёзного анализа, ознакомиться с

²⁴ Апраксин С.А. Аскетизм и монашество. Евангельские, биологические и психологические их основания. – Киев, 1907. – С. 8.

произведениями, отражающими подлинно византийскую действительность. Начинается перевод собственно византийских письменных источников²⁵.

В-третьих, развитие исследований проводилось в ходе деятельности последовательно созданных образовательных центров: Славяно-греко-латинской академии (1687), Петербургской Академии наук (1724), Московского государственного университета (1755). Помимо описанных выше способов получения информации о Византийской империи, набирает популярность совместная работа и обмен идеями с европейскими учёными, в трудах которых «наследница римского могущества» начинает занимать видное место.

Таким образом, к середине XIX века перевод сочинений византийских авторов и работ, посвящённых Византии, неуклонно возрастает, однако, византиноведение (византология) ещё не утверждается как научная дисциплина. Более того, изучению восточных провинций (в том числе, Сирии и Палестины) не уделяется должного внимания, поскольку, в большинстве случаев, сочинения посвящены отдельным разрозненным эпизодам византийской истории и наиболее значительным темам: Константинополю, роли Византии в Крещении Руси и отдельным императорам и патриархам (например, Константину Багрянородному и патриарху Фотию).

Ситуация меняется в конце 1840-х годов, поскольку Сирия и Палестина входят в состав Османской империи, влияние в которой становится главным интересом европейских держав, что приводит к изучению турецкого влияния на византийскую культуру²⁶.

Организация паломнических поездок из Российской империи также способствует увеличению числа учёных, занимающихся историей

²⁵ Дестунис С.Ю. Византийские историки, переведенные с греческого языка при Санкт-Петербургской духовной академии (СПБДА). – СПб., 1858-1863.

²⁶ Стасюлевич М.М. Осада и взятие Византия турками. – СПб., 1854.

православных святынь, сохранившихся на территории, контролируемой турецким правительством²⁷.

Начинается изучение норм римского права в византийских законодательных актах²⁸, что приводит и к исследованию сходств и отличий правовых норм в провинциях.

Утверждение византологии как самостоятельной научной дисциплины обычно связывают с трудами Василия Григорьевича Васильевского (1838-1899), однако, его сочинения, носившие весьма точно описывавшие их суть названия «Русско-византийские отрывки» и «Записки о Византии», издававшиеся учениками после его смерти, аккумулировали разрозненную информацию об истории восточной части Римской империи, заложили основы для комплексного её изучения, но не сохранили ценной информации по Сирии и Палестине в позднеантичную эпоху²⁹.

Исследования продолжила целая плеяда талантливых учёных-византологов, считающихся корифеями отечественной науки – его коллеги и ученики.

В ряде подробных академических работ по византийской истории – первых в отечественной науке³⁰ – впервые затрагивается тема восточных провинций, среди которых Сирии и Палестине уделяется отдельное внимание, хотя они продолжают рассматриваться в контексте экономической, социальной и политической истории государства.

В то же время появляются классические отечественные сочинения по истории Древнего Востока³¹, но акцент снова смещён, только теперь уже на более ранний временной период, а территория Сирии и Палестины, хотя и

²⁷ Базили К. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. – СПб, 1994.

²⁸ Энгельман А. Об ученой обработке греко-римского права с обозрением новейшей его литературы: Опыт введения в изучение византийской юридической истории. – СПб., 1857.

²⁹ Васильевский В.Г. Труды. – СПб.; Л., 1908-1930. В 4 т.

³⁰ Кулаковский Ю.А. История Византии. - СПб., 1996; Васильев А.А. История Византийской империи. - СПб., 1997; Успенский Ф.И. История Византийской империи. - М., 1996.

³¹ Тураев Б.А. Русская наука о Древнем Востоке до 1917 года. Посмертное издание с предисловием акад. И. Ю. Крачковского. - Л., 1927.

рассматривается с позиций присущей ей специфики, всё же привлекает внимание скорее как часть египетской, ассирийской и финикийской истории, что, впрочем, тоже позволяет охарактеризовать феномены, столь же соответствующие последующим эпохам.

В конце XIX века в составе нового научного направления выделяется также византийское искусствоведение, основателем которого становится учёный-энциклопедист Никодим Павлович Кондаков (1844-1925), который (вместе с Фёдором Ивановичем Успенским (1845-1928)) также основал Русский археологический институт в Константинополе (первое заграничное научное российское учреждение) и опубликовал целиком посвящённое Сирии и Палестине исследование³². Его дело было продолжено в отечественной исторической науке, его учениками, называвшими себя «фактопоклонниками».

Характеристика изучения византийской истории была бы неполной без упоминания учёных-богословов, стараниями которых изучение христианских древностей и святынь к началу XX века превосходит достижения мировой науки.

Многие из изданных в конце XIX века работ по истории Церкви до сих пор не теряют своей актуальности, а выполненные переводы житийной литературы и церковных историй позднеантичной эпохи до сих пор остаются единственными для русскоговорящего читателя.

Одним из наиболее авторитетных палестиноведов и профессоров богословия в рассматриваемый период был Аким Алексеевич Олесницкий (1842-1907)³³, перу которого принадлежит ряд переводов книг великих пророков с арамейского, сирийского, коптского, древнегреческого и латинского языков, а также детальное сочинение о древнееврейской культуре и подробная история иерусалимского храма.

³² Кондаков Н.П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. – СПб., 1904.

³³ Олесницкий А.А. Святая земля: в 2-х тт. – Киев, 1875-1876.

В итоге на рубеже веков в российской науке сформировалось несколько школ, основанных на различных подходах: школы Кондакова и Васильевского в Петербурге, церковная школа Болотова в Петербурге и церковная школа Лебедева в Москве, школа Курганова в Казани и школа Успенского в Одессе.

В начале XX века сформировались школы изучения истории на основе данных вспомогательных исторических дисциплин: нумизматический материал – И.И. Толстой, памятники эпиграфики – В.В. Латышев, сигиллография – Н.П. Лихачёв.

Более того, именно в это время получает оформление в самостоятельную научную дисциплину палестиноведение, которое развивают Павел Константинович Коковцев и Николай Александрович Медников³⁴, хотя и продолжает испытывать серьёзное влияние арабистики и ассириологии, также сформировавшихся в отдельные исторические дисциплины.

Помимо прочего, интерес к изучению сирийских и палестинских древностей проявляли исследователи, занимавшиеся кавказоведением и эфиопистикой, объект исследования которых находился на пересечении.

Говоря об изучении Сирии и Палестины, нельзя обойти стороной деятельность Императорского православного палестинского общества в составе которого с момента его основания работали многие из представленных учёных (а некоторые, как Василий Васильевич Латышев и Фёдор Иванович Успенский, даже возглавляли его).

Общество было создано как международная гуманитарная и научная организация в мае 1882 года, основной целью которой была организация паломнических поездок на землю обетованную, изучение палестинской истории и помощь этносам, населяющим Ближний Восток.

³⁴ Коковцев П.К. Христианско-сирийские надгробные надписи из Алмалыка. – М., 1905; Медников Н.А. Палестина от завоевания её арабами до крестовых походов по арабским источникам. – М., 1897.

За годы своей деятельности Общество активно реализовывало положения о высокой гуманитарной миссии, высочайше возложенной на его деятелей волей российского императора, специально прописанное в принятом Уставе³⁵.

Особенно преуспели деятели Общества в издательской деятельности: с периодичностью примерно раз в полгода выходил Палестинский сборник, несмотря на скудность, имевшихся у них материальных средств. В то же время, исследователи активно публиковались в журналах Министерства образования и входили в редколлегию и список авторов для наиболее важного отечественного журнала – «Византийского временника», до сих пор выпускающегося в Российской Федерации.

Издавались также многочисленные рукописи, информация о ходе археологических исследований и даже специальные адаптированные варианты исторических сочинений для широкого читателя³⁶, а также комплексные исследования, построенные на сопоставлении материала из смежных дисциплин³⁷.

Для реализации поставленных задач Общество на первых же порах старается привлечь в состав Совета солидные научные силы: профессоров В.Г. Васильевского, И.Е. Троицкого, а через них построить отношения с другими учеными и научными авторитетами.

В различных изданиях Общества также приняли живое участие М.А. Веневитинов, доктор А.В. Елисеев, архимандриты Леонид (Кавелин) и Антонин (Капустин), профессор А.А. Олесницкий, Г.С. Дестунис, А.А. Цагарели, Л.В. Стоянович, К.Д. Петкович, профессор И.В. Помяловский, профессор Н.И. Ивановский, академик Н.Я. Марр, С.О. Долгов, академик

³⁵ Устав Императорского православного палестинского общества. Режим доступа: <http://tricolor.org/russia/ippo/130/io/vistavka/ustav/>

³⁶ Научная деятельность Императорского православного палестинского общества. Режим доступа: <http://www.ippo.ru/ippo/article/nauchnaya-deyatelnost-ippo-201151>

³⁷ Цагарели А.А. Сведения о памятниках грузинской письменности в Святой Земле и на Синае // Православный Палестинский Сборник Императорского Православного Палестинского Общества. – 1886. Т. I. Вып. I.; 1889. Вып. II, 1894. Вып. III.

В.В. Латышев, профессор Н.Ф. Каптерев, профессор Н.А. Медников, А.И. Пападопуло-Керамевс, П.А. Сырку, Х.М. Лопарев, П.В. Безобразов³⁸.

В дореволюционный период с 1882 по 1917 гг. были достигнуты значимые и ощутимые результаты в издательской деятельности Общества. Было издано 63 тома Палестинского сборника — постоянного научного временника Императорского Православного Палестинского Общества. Также были изданы: 10 томов Аналект и Каталога Иерусалимских рукописей А.И. Пападопуло-Керамевса, 4 части Странствования Василия Григоровича, 7 томов Книга бытия еп. Порфирия, *Bibliotheca geographia Palaestina*, Палестина и Синай (библиография) В. Н. Хитрово.

Ставший новым редактором «Византийского временника» председатель Палестинского общества Фёдор Иванович Успенский начинает создавать первый том своей трёхтомной «Истории Византийской империи» и «Истории Церкви»³⁹.

Также Обществом с 1891 года издавались Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества и многочисленные отчеты о деятельности Общества. Кроме этого, Общество издавало народные научно-популярные издания в виде чтений о Святой Земле. Для этого Обществом были привлечены: протоиерей В.И. Михайловский, протоиерей Н.А. Елеонский, протоиерей В.С. Соловьев, протоиерей П. Смирнов, протоиерей Н.Н. Трипольский, Д.С. Дмитриевский, А.И. Левочский, И.В. Малиновский, А.Н. Пыпин, В.Н. Хитрово, И.А. Виноградов, М.И. Осипов, И.В. Викторский⁴⁰.

В результате деятельности Общества Палестина не выходила из орбиты пристального внимания исследователей до начала Первой мировой войны,

³⁸ Научная деятельность Императорского православного палестинского общества. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ippo.ru/ipporu/article/nauchnaya-deyatelnost-ippo-201151> (дата обращения: 06.04.2017)

³⁹ Успенский Ф.И. История Церкви. – М., 1999.

⁴⁰ Научная деятельность Императорского православного палестинского общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ippo.ru/ipporu/article/nauchnaya-deyatelnost-ippo-201151> (дата обращения: 06.04.2017).

когда Османская империя реквизировала собственность ИППО, приостановив его работу, однако, революция расколола организацию на две части, а В.В. Латышев на правах корифея возглавил Российское Палестинское Общество, продолжившего свою деятельность при Академии наук.

Исследования Васильевского продолжила целая плеяда талантливых учёных-византологов, считающихся корифеями отечественной науки – его коллеги и ученики.

В ряде подробных академических работ по византийской истории – первых в отечественной науке⁴¹ – впервые затрагивается тема восточных провинций, среди которых Сирии и Палестине уделяется отдельное внимание, хотя они продолжают рассматриваться в контексте экономической, социальной и политической истории государства.

В годы Первой мировой войны филолог и педагог Юлиан Андреевич Кулаковский создаёт трёхтомник «История Византии», или хронику центральных событий «Ромейской империи со времени основания Константинополя до времени царствования Льва Исавра»⁴².

С критикой работ Кулаковского (которого ряд историков отказывался признавать) выступил Александр Александрович Васильев, долгое время сотрудничавший с Михаилом Ивановичем Ростовцевым⁴³ и, как и Ростовцев, покинувший Советский Союз и до конца своей жизни работавший в эмиграции. Его перу принадлежит серия работ, издаваемых под названием «История Византийской империи»⁴⁴. Поскольку Васильева больше занимали вопросы Поздней Византии, освещение последнего века римской истории носит обзорный характер.

Таким образом, к 1917 году в Российской империи сформировалась достаточно мощная научная школа, деятели которой не уступали авторитету

⁴¹ Успенский Ф.И. История Византийской империи. – М., 1996.

⁴² Кулаковский Ю.А. История Византии. – СПб., 1996.

⁴³ Ростовцев М.И. Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж. — СПб., 1908.

⁴⁴ Васильев А.А. История Византийской империи. – СПб., 1997.

европейских учёных и внесли значимый вклад в мировую историческую науку, хотя многие их начинания были продолжены уже в последующий период.

Первое время революционные потрясения не отразились на развитии византологии. Сохранили активность ведущие исследователи, и даже был достигнут прогресс в изучении произведений искусства, благодаря деятельности созданной в 1918 году Всероссийской комиссии по охране культурных памятников.

Византия всё ещё часто рассматривается как сосед и противник Древней Руси, оказывавший сильное политическое и культурное влияние, хотя собственно византийские реалии для отечественного исследователя сохраняли своё значение. Сформирована единая целостная картина, однако, отдельные аспекты проблем всё ещё не попадали в орбиту внимания исследователей.

Изучение византийской истории активно продолжается на основе детального анализа предметов изобразительного искусства и археологических памятников. Продолжается перевод собственно византийских письменных источников.

Развитие исследований проводилось в ходе деятельности созданных ранее образовательных центров: в 1917-1929 годах продолжает издаваться «Византийский временник» (крупнейший отечественный научный журнал всецело посвящённый истории и культуре Византии), активно ведётся деятельность Русского палестинского общества.

Сохраняется совместная работа и обмен идеями с европейскими учёными, в трудах которых «наследница римского могущества» занимает видное место, тем более что их состав пополняют эмигранты, вынужденные покинуть Союз Советских Социалистических Республик по своим убеждениям или из-за опасения возможных гонений в связи с политической или профессиональной деятельностью.

Тем не менее, с началом гонений на Русскую Православную Церковь, одно из популярных дореволюционных научных направлений начинает стремительно угасать, что неизбежно приводит к упадку смежных дисциплин и изменению предмета изучения, поскольку во главе угла, в соответствии с марксистской методологией была поставлена экономическая и политическая история, а также исследование социальных движений, куда более значимых, с государственной точки зрения, чем изучение духовной культуры.

Именно в 1920-е годы ведущие исследователи предыдущей эпохи получили возможность опубликовать многотомные академические издания. Исследование Византии в Советском Союзе фактически прекратилось со смертью Ф.И. Успенского в 1928 г.: все остальные исследователи относились к эмигрировавшим или репрессированным.

В том же году в журнале «Марксист» была опубликована статья, содержащая чётко сформулированное обвинение в адрес византинистов, после которой дискуссию по поводу целесообразности этого научного направления можно было считать завершённой: «Византиноведение царского времени выполняло чрезвычайно важную политическую и идеологическую функцию. Оно подготовляло умы и непрерывно внушало мысль о том, что русские цари - непосредственные наследники византийских императоров, что славянская нация - природный преемник достоинства и мощи, богатства и величия, выпавших из рук одряхлевших ромейских греков, что православная церковь - единственная носительница религиозных идеалов всего православного мира, единственный пастырь всех единоверных душ как по её сторону, так и по ту сторону Босфора. К этому в сущности сводились все «уроки истории», которые старые византинисты давали тем, кто "ожидает дележа наследства после «опасно больного» на Босфоре»⁴⁵.

Результатом уничтожения отечественной школы стало создание национальных школ изучения Византийской империи в США, Сербии, Болгарии,

⁴⁵ Лозовик Г. 10 лет русской византологии – Режим доступа: <http://libmonster.ru/m/articles/view/ДЕСЯТЬ-ЛЕТ-РУССКОЙ-ВИЗАНТОЛОГИИ>

пополнились, благодаря эмигрантам, ряды британских и немецких исследований.

В 1947 году возобновляется выпуск «Византийского временника» (26-й том был опубликован) и, совпав с нормализацией отношений советской власти с РПЦ, начинается изучение Византийской империи.

Снова регулярно начинают проводиться чтения, конференции, конгрессы и прочие мероприятия, направленные на обмен научными работами между исследователями из разных городов, создаются новые центры по изучению Византии (Свердловск, Ереван, Тбилиси), выпускаются новые печатные издания, но акцент всё ещё не переносится с изучения социально-экономического развития общества.

В период «оттепели» ситуация меняется и исследователи обращают внимание на внутренний мир интеллектуалов, а также на культурные связи Византии, что, впрочем, не приводит к резкому росту популярности сиро-палестинских исследований, хотя и сохраняет интерес, что отражается в возобновлении регулярных публикаций Палестинского сборника.

В отличие от исследователей прошлых лет, З.В. Удальцова уделила пристальное внимание изучению аграрному строю и экономики, обратив внимание на особенности протекания их эволюции⁴⁶. Исследования Г.Г. Литаврина⁴⁷ также важны, поскольку проливают свет на отношения, возникавшие между Византийской империей и славянами на её границах, что, в свою очередь, напоминает взаимодействие византийцев с жителями восточных средиземноморских провинций.

Отдельно стоит отметить вклад Александра Петровича Каждана, эмигрировавшего в Соединённые Штаты в 1978 году и принявшего

⁴⁶ Удальцова З.В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). — М.: Наука, 1974.

⁴⁷ Очерки истории Византии и южных славян. М.: Учпедгиз, 1958. 2-е изд. СПб.: Алетей, 1998. (В соавторстве с А. П. Кажданом).

непосредственное участие в создании первого в истории энциклопедического словаря по византийской истории и культуре⁴⁸.

Вершиной и закономерным итогом развития советской византологии стала коллективная работа, посвящённая культуре многонациональной империи, должное место в которой отведено и памятникам, созданным на территории Сирии и Палестины⁴⁹. Продолжил славные традиции московской школы и стал редактором «Византийского временника» специалист по медиевистике и дипломатике Сергей Павлович Карпов.

В то же время результатом уничтожения отечественной школы стало создание национальных школ изучения Византийской империи в США, Сербии, Болгарии, стараниями эмигрантов, пополнивших ряды британских, американских и немецких исследователей.

Можно сделать вывод, что с момента привлечения внимания в этой теме в отечественной историографии накоплен богатый материал по теме, однако, в основном, стараниями дореволюционных учёных, в то время как в последнее столетие наблюдался незначительный интерес к данной теме, вызванный господством материалистического подхода в исторической науке, предопределившего отсутствие данной проблематики на повестке советских учёных, тем не менее, ряд авторитетных современных отечественных византинистов в последние десятилетия проявляют к данной теме интерес.

1.2. Зарубежная историография истории Сирии и Палестины

Академические центры с самой разнообразной структурой, занимавшиеся исследованиями Византии, существовали в большинстве стран Европы и Северной Америки в течение многих лет: в некоторых случаях — неофициально, как результат личного исследовательского интереса, в других

⁴⁸ The Oxford Dictionary of Byzantium. Wash.; N. Y., 1991. 3 vol.

⁴⁹ Культура Византии. 3 тт. М., 1984, 1989, 1991.

случаях, с конца XIX в. — официально. Эти центры и превратили занятие, которое могло остаться на уровне обычного увлечения антиквариатом любителями древностей, к примеру, эмалей или икон, в целостную научную дисциплину.

Первоначальным, хотя и не всегда действенным, стимулом к изучению Византии было то, что в большинстве своем коллекции греческих рукописей — будь то классические или средневековые тексты — датируются византийским периодом и являются списками, сделанными на территориях, находившихся под властью Византии. Такие коллекции, собранные в результате стечения разнообразных исторических обстоятельств, находятся, к примеру, в Афинах, Лондоне, Мадриде, Париже, Ватикане, Вене.

Это означает, что первоначально Византия в равной степени находилась в центре интереса и филологии, и истории. С другой стороны, к понятию «Византия» имеет непосредственное отношение богословская традиция и церковные структуры, хотя это всего лишь часть определения византийской культуры.

Пионерами в исследовании древнего портового города следует считать европейских путешественников и антикваров XIX века. В 1838 г. Газу посетил Э. Робинсон, в 1863 г. — В. Герен и Ж.Э. Ренан. Первый серьезный обзор древностей города Газы был составлен Ш. Клермон-Ганно (С. Clermont-Ganneau) в 1874 г.⁵⁰ Ему удалось исследовать и зарисовать главные постройки города в том числе главную мечеть и церкви и собрать значительное количество древних надписей. Собранный Клермон-Ганно коллекция византийских эпитафий позволила установить начало летосчисления города.

Немцы О. Мельцер и У. Карштедт, Х. Шубарт и Х. Нимайер, датчанин К. Фальб, бельгиец Г. Бюнненс, испанцы Х. Бласкес, Х. Альвар, М. Аубет⁵¹,

⁵⁰ Clermont-Ganneau C. Archeological Researches in Palestine, 1873-1874. — London, 1896 — P. 379-437.

⁵¹ Харден. Д. Финикийцы. Основание Карфагена. — М., 2004. — С. 22.

которые, однако, не уделяли должного внимания собственно истории Сирии и Палестины, фокусируясь на проблемах византийской истории и деспотий Древнего Востока – в частности, Финикии.

Возможно, наиболее значимый шаг к созданию научной дисциплины был сделан в 1890 г. в Мюнхене Карлом Крумбахером, выпустившему обзорную просопографическую работу по византийским историкам и хронистам, часть из которых описывали ранневизантийскую историю Палестины⁵². Этим шагом явилось основание журнала «Byzantinische Zeitschrift», первого официального периодического издания, полностью посвященного данной области знаний, и открытие при Мюнхенском университете Института византийских исследований, который продолжает свою работу и по сей день.

В Германии появились и другие важные научные центры, к примеру, Берлин, Бонн и Гамбург. Не менее значимыми были научные достижения Афин, где вновь созданные Университет и Академия проявляли усиленный интерес к исследованиям в данной области.

Начало серьёзной разработки истории христианской Газы было положено только в XX веке плодотворными исследованиями французских и бельгийских монахов, чья деятельность была связана с изучением восточного христианства: Симеона Вайе, Люсьена Реньо, Мишеля ван Парейса, Франсуа Нейта⁵³. Благодаря их стараниям, был образован необходимый фундамент для более глубокого изучения этой темы.

За последние два десятилетия стало появляться всё больше работ в разных странах, университетах и научных центрах, что свидетельствует об увеличивающемся интересе к этой теме во всём мире. История газского

⁵² Крумбахер К. Византийские историки и хронисты. — СПб., 1913.

⁵³ Schumacher G. Researches in Southern Palestine // Palestine Exploration Quarterly, 18. 1886. – P. 171–194.

христианства с того момента стала активно разрабатываться множеством исследователей⁵⁴.

Следующий труд, посвященный античному городу, вышел только в 1987 г.: это работа К. Глюкер⁵⁵. На сегодняшний день это блестящее научное исследование является практически единственным актуальным разбором истории Газы классических эпох. Исследовательница использует обширный исторический и эпиграфический материал, подробно разбирает вопросы, касающиеся административной, политической и экономической жизни города.

Одним из наиболее ярких современных исследователей выступает Брурия Биттон-Ашкелони⁵⁶. Как историк позднеантичного Восточного христианства Б. Ашкелони исследует и интерпретирует неустойчивое равновесие непрерывности и преобразования, которое определяет историческую самоидентичность христианина.

Она стремится показать динамику изменения, непрерывность и разрыв в религиозном поведении и мысли в пределах христианских и нехристианских традиций; продемонстрировать их эффекты на установленную и личную религию в позднеантичном Восточном христианстве; восполнить особенность эпохи с помощью трех главных религиозных и социальных явлений: паломничество, монашество и молитва. Ашкелони исследует религиозную мысль и поведение в позднеантичном и византийском христианстве, паломничество, монашескую культуру, мистику и молитвы в греческой и сирийской литературе.

Ашкелони подробно излагает точку зрения Варсонофия и Иоанаа по вопросу ороса, основанную на 703 и 786 вопросах, посвящённых теме

⁵⁴ Gichon M. The History of Gaza Strip // Jerusalem Cathedra. Vol. 2. 1982. – P. 282-317; Meshorer I. City Coins of Eretz-Israel and the Decapolis in the Roma Period. – Jerusalem, 1985; Rappoport U. Gaza and Ascalon in the Persian and Hellenistic Periods in Relation to their Coins // Israel Exploration Journal. Vol. 20 1970 – P. 75.

⁵⁵ Glucker C.A.M. The City of Gaza in the Roman and Byzantine Periods. - Oxford, 1987.

⁵⁶ Bitton-Ashkelony B., Kofsky A. The Monastic School of Gaza (=Supplements to Vigiliae Christianae. Texts and Studies of Early Christian Life and Language, Vol. 78.). – Leiden; Boston, 2006. – P. 213-222.

гонений. Первый из них принадлежит некоему мирянину, который спрашивал у Иоанна, что ему делать в случае гонений. Непонятно, отражает ли он реальные исторические события или является исключительно теоретическим вопросом. Второй рассказывает о волнениях, возникших после царского указа о рукоположении лиц, не имевших евхаристического общения с Церковью. Некоторые люди начали бояться гонений с последующей конфискацией имущества и спросили о том Иоанна. Речь идёт о годах после 543 г. (на основании того, что в этой группе писем упоминается указ «О трёх главах»), когда палестинский клир был в основном халкидонским.

По предположению Б. Биттон-Ашкелони и А. Кофского, эти вопрошавшие были монофизитами, которые бежали от прохалкидонской политики Юстиниана⁵⁷.

Наиболее ярким представителем современной французской школы антиковедения, посвятившим свои труды позднеантичной Сирии и Палестины является Дени Фиссель⁵⁸ (род. 1949) - бывший директор научного центра, изучающий греческую эпиграфику, а также административную историю позднего римского Востока.

В этом направлении он работает над публикацией свода эпиграфики, а именно надписей протовизантийской эпохи, и преобразованием сборника греческих и латинских надписей из Сирии.

Бернар Флюзен⁵⁹ – профессор Сорбонны. Занимается изучением византийской литературы и филологии, истории византийского христианства, агиографией, историей святынь, историей христианской Палестины.

Так совпало, что формирование американской научной школы византологии (под руководством А. Каждана) совпало с утверждением в

⁵⁷ Bitton-Ashkelony B., Kofsky A. *The Monastic School of Gaza (=Supplements to Vigiliae Christianae. Texts and Studies of Early Christian Life and Language, Vol. 78.)*. – Leiden; Boston, 2006. – P. 215.

⁵⁸ Fissel D. *Chroniques d'épigraphie byzantine*. – Paris, 1978; Fissel D. *Inscriptions de Cilicie*. – Paris, 1982; Fissel D. *Guide de l'épigraphiste. Bibliographie choisie des épigraphies antiques et médiévales*. – Paris, 1996.

⁵⁹ Flusen B. *Saint Anastase le Perse et l'histoire de la Palestine au début du viie siècle*. – Lyon, 1992.

мировой науке концепции Поздней античности, предложенной авторитетными британскими учёными.

При структурной трансформации в эпоху поздней античности отдельным провинциям и историческим регионам пришлось столкнуться с различными экономическими, социальными, политическими, идеологическими проблемами. Один из наиболее интересных вариантов такой трансформации можно наблюдать на примере Палестины. В мировой науке достаточно плодотворно исследуются отдельные стороны истории ранневизантийской Палестины.

Профессор Кеннет Холум с 1989 года руководит объединённой Кесарийской экспедицией, основным объектом исследования которой является один из крупнейших культурных центров Палестины.

Археологи обнаружили на суше и под водой многочисленные памятники Кесарии, которые позволяют им восстановить, каков был город и образ жизни в нём. Богато иллюстрированная книга⁶⁰ представляет результаты исследований археологов, описывая методы, а также “приключения”, связанные с раскопками и открытиями. В дополнение к этому историк был куратором одноименной передвижной музейной выставки "King Herod's Dream" (1988-1990) Смитсоновского института. К. Холум является редактором обобщающих изданий «Caesarea Maritima: A Retrospective after Two Millenia» (1996) и «Caesarea Papers 2» (1999), крупных сборников докладов и эссе по Кесарии.

Другая его уникальная книга⁶¹ включает сведения о работе масштабной археологической кампании в 1992-1995 гг. и рассматривает комплексно археологию, историю и культуру города от общих проблем городского развития и экономики до эпиграфики, скульптуры и керамики. Впечатляющие открытия, некоторые публикуются здесь впервые, включают амфитеатр Ирода и Царский дворец, римские и византийские бани, храм

⁶⁰ Hollum K. King Herod's dream: Caesarea on the sea. – NY, 1990.

⁶¹ Hollum K. Caesarea Maritima: A Retrospective after Two Millenia. – L., 1997.

богини Ромы и Августа, и, в частности, изучение захватывающей искусственной гавани Себастья, ныне находящейся под водой. В книгу включены карты города и цветные аэрофотоснимки новых раскопов. В 2000 г. вышла монография «The Greek and Latin Inscriptions of Caesarea Maritima» в соавторстве с Клейтон Леманн. 411 надписей, включенных в это издание, представляют открытия, сделанные в результате исследования данной местности, на которые понадобилось четверть века.

Это стало признанием авторитета исследователя и важности его работ. В настоящее время Кеннет Холум готовит монографию о Кейсарии под названием «Caesarea's Fortune». Его научные интересы ныне сосредоточены в области древних городов, как правило, восточных римских провинций, утверждения христианства и его победы над язычеством, трансформации римского мира в позднюю античность. Об этом свидетельствуют работы Холума⁶².

Продолжателем его подхода является Хагит Сиван⁶³, чье исследование основано на изучении полиэтничности и мультикультурализма, характерного для территории, столь разнообразной в политическом, культурном, топографическом, архитектурном и религиозном плане.

Проблемой газского монашества также занимался американский историк Дженнифер Л. Хэвелон-Харпер⁶⁴, которой в наши дни принадлежит лидирующая позиция в данном направлении исследований.

Описываемый в данной работе период является очень важным в истории западного монашества, периодом его становления и развития в Западной Европе. Он представляется весьма интересным в контексте изучения истории западного христианства и всей неразделенной тогда еще Церкви.

⁶² Holum K. Biblical sites unearthed: ancient cities of the Holy Land – NY, 1973., Holum K. The Christianizing of Caesarea Palestinae – NY, 1995), Holum K. Shaping the Middle East: Jews, Christians, and Muslims in an age of transition, 400-800 C.E. – NY, 2002.

⁶³ Sivan H. Palestine in Late Antiquity. – NY, 2005.

⁶⁴ Hevelone-Harper Jennifer L. Disciples of the Desert: Monks, Laity, and Spir-itual Authority in Sixth-Century Gaza. – Baltimore, 2005.

Основным отличием этой монашеской традиции стала «открытость» газских монастырей внешнему миру, выразившаяся, прежде всего, в организации странноприимства, медицинской помощи, в раздаче бедным одежды и еды, а также в духовном окормлении жителей окрестных деревень.

В качестве объединяющего фактора она выделяет римское государство и его законы.

Как известно, главное средство укрепления внутреннего единства империи Юстиниан усматривал в унификации, именно поэтому он стремился ослабить любые группы, основанные на этнических, конфессиональных или корпоративных связях.

Он желал, чтобы в государстве был один закон и одна вера. При подобном убеждении не могло быть и речи о терпимом отношении к представителям других религий и еретических учений.

Жизнь таких духовников, как Дорофей, Варсонофий является уникальным примером социального служения газских монахов миру.

Газское монашество получило определенный «местный колорит» благодаря близости святых мест. После нападения на Палестину персов в 614 году и разрушения монастырей арабами, после 630 года (634 – покорение Газы) теряется история газского монашества.

Можно сделать вывод, что, начиная с периода организации археологических экспедиций на Ближний Восток, территория ранневизантийской Газы находится в сфере внимания британских учёных.

В то же время, в конце XIX века лидирующие позиции в исследованиях подобной тематики занимают, как и во всей византологии, немцы, а затем – французы, поскольку ещё в Раннее Новое время раннехристианское монашество представляло особый интерес для монахов средневековых рыцарских орденов, которые ещё в средние века стремились на обетованную землю. В последние годы эстафету исследований перенимают американские исследователи христианства и поздней античности.

ГЛАВА II. РАННЕВИЗАНТИЙСКАЯ ГАЗА: ГОРОД И МОНАХИ

2.1. Исторический фон Газы Палестинской в VI веке

Газа Палестинская, начиная с IV века, была важным христианским и монашеским центром в Палестине наряду с Египтом, Синаем, Иудейской пустыней и Иерусалимом. Истоки местного монашества восходят к Илариону Газскому, современнику Антония Великого.

Жители Газы почитали множество божеств. В последней четверти IV века христианский писатель Марк Дьякон говорит нам, что Газа была украшена большим количеством храмов: «Теперь были в городе восемь общественных храмов. Помимо этого большое количество идолов было и в домах, на улицах, деревнях». Любой человек, который приезжает в Газу, был бы впечатлен этими храмами, несомненно, благочестием его жителей.⁶⁵

Населяемый с древних времен, город Газа заработал себе репутацию центра греческой культуры в эллинистический период. В результате кампаний Помпея римляне добавили город к своей растущей империи. Император Адриан (117-138), который любил греческую культуру, посетив Газу несколько раз, установил здесь местный календарь, чтобы ознаменовать свой второй визит в 129 году.

Попытка Адриана внедрить эллинистическую культуру в Палестину, объявив вне закона ритуал обрезания и построив храм Зевсу по остаткам еврейского храма в Иерусалиме, повлекла за собой восстание среди евреев во главе с Симеоном бар Кохбой. Когда император возвратился в Палестину в 135 году, восстание бар Кохбы было подавлено, Адриан привез пленных

⁶⁵ Hevelone-Harper, Jennifer L. *Disciples of the Desert: Monks, Laity, and Spir-itual Authority in Sixth-Century Gaza.* – Baltimore, 2005. - P. 10.

евреев в Газу и приказал казнить на ближайших играх; другие еврейские заключенные были проданы в качестве рабов на рынках города.⁶⁶

Самый значимый местный культ в Газе был культ семитского бога Марнаса, благодаря которому город получил международную репутацию. Марнас был божеством неба, который приносил дождь в наиболее засушливые области. В честь него жрецы продолжали совершать жертвоприношения до конца IV века.

Традиционный языческий характер Газы контрастировал, в основном, с христианским характером его соседнего города - порта, Майума, на Средиземноморском побережье. Император Константин (306-337) признал обязательство Газы по отношению к христианству; он предоставил статус Майуме независимого города с его собственным епископом и переименовал его в Константинию в честь его сестры.⁶⁷

Впоследствии, император Юлиан (361-63) наказал город за его репутацию христианского сообщества, сделав Майуму частью Газы. Возможно, с намерением поощрить разногласие среди христианских лидеров, Юлиан разрешил Майуме сохранять своего собственного епископа. Церковный историк V века Созомен сообщает, что некоторые христиане в Газе перенесли мученичество во время этого периода.

Газа была печально известна конфликтом между язычниками и христианами. Борьба между Газой Палестинской и Констанцией была сосредоточена на вопросе об обращении в христианство. Толпы христиан от порта сопровождали епископа Порфирия и меньшую группу христиан из Газы, чтобы разрушить храмы в Газе в начале V века.⁶⁸

Несмотря на усилия Марка Дьякона подчеркнуть единство христиан из Майумы и Газы Палестинской после лидерства Порфирия, общее

⁶⁶ Hevelone-Harper, Jennifer L. *Disciples of the Desert: Monks, Laity, and Spiritual Authority in Sixth-Century Gaza*. – Baltimore, 2005. - P. 11.

⁶⁷ Карсавин Л. *Монашество в Средние века*. — М.: Ломоносов, 2012. — С.78.

⁶⁸ Hevelone-Harper, Jennifer L. *Disciples of the Desert: Monks, Laity, and Spiritual Authority in Sixth-Century Gaza*. – Baltimore, 2005. - P. 13.

впечатление, которое можно получить из записок Марка, является одна из оппозиций между этими двумя городами: «На рассвете мы вошли в морской порт Газы, который они называют Маиумой. И когда мы приехали на берег, христиане приняли нас с пением псалма; и аналогично также другие христиане Газы, вышли, чтобы встретить нас... пением псалмов»⁶⁹.

После того, как бурный процесс обращения в христианство, которое включило в себя подавление общественного языческого вероисповедания, набрал обороты, эти два города продолжили выражать свою конкуренцию в духовных делах.

К середине VI века многочисленные христианские сообщества Газы Палестинской были расколоты на самостоятельные фракции. Жители города обвинили одного епископа в коррупции, обвинив его в противопоставлении Божьей воле. Фракции боролись за духовный контроль во время епископальных выборов, которые резко разделили город. Руководители монастыря в Тавате не только присоединились к дебатам по духовной политике, но и продолжили упрекать христианских чиновников за их безнравственность и пренебрежение бедными.

Хотя Газа стала преимущественно христианским городом только лишь к VI веку, значительное количество религиозных меньшинств в нем осталось. Христиане жили в непосредственной близости от еврейских и языческих соседей. Социальные и экономические связи продолжали близко связывать членов различных вер.

Греческие риторы из престижной Школы Газы могли, с одной стороны, сочинять в классических жанрах, игнорируя развитие христианской гомилии, и с другой, похвалить строительство новой церкви или характер христианского епископа. Язычники в Газе продолжали занимать видные

⁶⁹ Hevelone-Harper, Jennifer L. *Disciples of the Desert: Monks, Laity, and Spiritual Authority in Sixth-Century Gaza*. – Baltimore, 2005. – P. 14-15.

правительственные должности, пока Юстиниан своим законодательством не усилил давление на таких людей⁷⁰.

После массового обращения в христианство в Газе, христианское население смогло обратиться к строительству монашеского сообщества. По всему Средиземноморью многие люди принимали решение оставить свои семьи и начать жить в новых социальных условиях. Отшельники жили как в группах по два или три человека, так и в многочисленных, хорошо организованных монашеских сообществах. Христианские отшельники пропагандировали жизнь духовной дисциплины, характеризуемой молитвой, постом и безбрачием.

2.2. Монашеские общества позднеантичной Газы

Несмотря на то, что газское монашество оставило после себя много источников и повлияло на всю монашескую традицию, Газа и её окрестности почти не привлекали внимание исследователей, так как их интерес сосредотачивался в основном на монашестве Египта, Сирии, Малой Азии и, более всего, Западной Европы.

К античным временам через Газу расходятся по всему Средиземноморью и традиционные ханаанские продукты, и аравийский экспорт. Прочные торговые связи с Грецией и процветающая экономика позволяют Газе ввести собственные деньги. Газа становится первым на Востоке городом, чеканящим монету по аттическому Город настолько самостоятелен и силен, что в 332 г. до н.э. смеет сопротивляться войскам Александра Македонского.

Во времена правления Гордиана III Газа получает статус колонии и, подобно другим восточным городам, перестает чеканить собственную

⁷⁰ Hevelone-Harper, Jennifer L. *Disciples of the Desert: Monks, Laity, and Spiritual Authority in Sixth-Century Gaza*. – Baltimore, 2005. - P.16-17.

монету. При растущей с середины III в. инфляции чеканить собственные деньги становится экономически невыгодным. С утратой газийской чеканки мы теряем важнейший источник информации по истории города.

Город Газа был печально известен конфликтом между язычниками и христианами. Борьба между Газой Палестинской и Констанцией была сосредоточена на вопросе об обращении в христианство. Толпы христиан от порта сопровождали епископа Порфирия и небольшую группу христиан из Газы, чтобы разрушить храмы в Газе в начале V века.⁷¹

Тем не менее, начиная с IV в., Газа становится крупным монашеским центром, наряду с Египтом, Синаем, Иудейской пустыней и Иерусалимом. Истоки местного монашества восходят к Илариону Газскому, современнику Антония Великого.

Родители Илариона – язычники, уроженцы Таваты, отправили его в Александрию для того, чтобы стать образованным и уважаемым грамматистом. Когда Иларион, «прибыл, чтобы услышать об известном имени Антония, о котором говорили все люди Египта, с воодушевлением он отправился в пустыню ради этого». Иларион принял образ жизни св. Антония. Позже возвратившись, домой, он раздал свое богатство бедным, и начал уединенную монашескую жизнь в регионе к югу от Майумы.

Как и его духовный отец, Антоний, Иларион, из-за своей неприкосновенности, привлек последователей, которые разрушили его одиночество. Иларион так же посетил комплекс организованных монастырей в регионе, включая тот, который был основан Епифанием (315-403) в Бесандуке. С начала аскетической жизни в Египте Епифаний стал учеником Илариона и в конечном счете был назначен Епископом Саламина.⁷²

И другие фигуры в четвертом веке связали пустыню Египта, особенно монастыри-скиты, с областью Газы. Порфирий путешествовал из своей

⁷¹ Hevelone-Harper Jennifer L. *Disciples of the Desert: Monks, Laity, and Spiritual Authority in Sixth-Century Gaza*. – Baltimore, 2005. – P. 11.

⁷² Ibid.

родной Фессалоники в Египет, где он провел пять лет в качестве монаха в ските прежде, чем поселиться в Палестине и стать епископом Газы.

Авва Сильваний, родом из Палестины, наблюдал за группой монахов в скитах. Он переселил своих учеников сначала к горе Синай, а затем в установленную лавру в Газе.⁷³ В начале пятого века большое количество монахов сбежали из скитов в Палестину в связи с внутренней доктриной по оригенизму и многочисленными внешними нападениями на монастыри, они совершали набеги на племена, живущие в пустынях.

До IV века римляне считали Палестину мрачной областью, известной только своими восстаниями и бунтами. С преобразованиями в области христианизации в 312 году императором Константином изменился статус этой небольшой территории. После поспешной казни его старшего сына и жены, император послал свою мать Елену в Палестину, для того, чтобы она стала символом благочестия, и императорский патронаж для здания церковей начался всерьез. Римская колония - Элия Капитолина возвратила свое древнее имя Иерусалим и стала центром христианской преданности. К концу четвертого века раскопки показали то, во что христиане того времени верили, чтобы сохранить наследие Животворящего Креста. Испанская монахиня отметила, что эта территория стала центром пасхальной литургии в Иерусалиме, которая привлекала прихожан, со всех концов империи. Хотя писатели, принадлежавшие к «отцам церкви», продолжили бы обсуждать теологический вопрос о том, может ли место на земле быть святым, как уже решили миряне. Верующие мужчины и женщины со всех концов Римской империи стали путешествовать, чтобы лично увидеть землю, описанную в священных писаниях.

На протяжении III-VI вв. паломники стекались в места, связанные с рождением Христа, его жизнью, смертью и воскрешением, к библейской земле обетованной. Многие стремились продлить свое пребывание здесь, меняя статус паломника на постоянную монашескую жизнь.

⁷³ Ibid. – P. 13.

Аристократы отказывали от удобств и великолепия Рима и Константинополя, чтобы принять добровольную бедность на земле Иисуса и апостолов. В середине V в. так поступила императрица Евдокия, ставшая благотворительницей многим монахам.

В следующем веке благородная девушка из Персии, которая позже взяла себе имя Сусанна, бежала в Иерусалим: «... я должна пойти и поклоняться в святых местах, где спасение наших жизней имело место»⁷⁴. Таким образом, аристократки также проповедовали жизнь, соблюдая пост и молитвы, не ставя высоко привилегии и обязательства элитного общества.

Существование этих паломников высокого статуса демонстрирует привлекательность Святой земли для членов позднеантичного общества и подчеркивает разнообразные фоны монашества. Палестина больше не была провинциальным болотом; она стала местом специального значения для христиан, живущих в римских и персидских империях.

Сообщества, основанные мужчинами, сопровождалась двумя различными организационными формами. Лавра (буквально "долина") была свободной ассоциацией монахов, которые жили в качестве отшельников в пещерах. В течение недели они индивидуально практиковали аскетизм, но по субботам и воскресеньям объединялись в центральной церкви для совместного богослужения.

В киновиях монахи жили вместе в единственном составе, разделяя работу, вероисповедание и еду ежедневно. Духовники часто требовали, чтобы новички потратили больше времени на обучение в киновии, прежде чем они продвинулись к более уединенной жизни в лавре⁷⁵.

Монашество в Иудейской пустыне было тесно связано с духовной иерархией Иерусалима. Епископы Иерусалима были обучены в его монастырях, и монахи не были отчужденны от духовной политики. Хотя в последствии Халкидонского собора много светских жителей и монахов в

⁷⁴ Карсавин Л. Монашество в Средние века. – М., 2012. – С.58.

⁷⁵ Герье В. Западное монашество и папство. – М., 1913. – С. 179.

Палестине отклонили его христианские урегулирования, а также подъем статуса епархии Иерусалима, делая его патриаршеством. Про-халкидонское обязательство монахов Иудейской пустыни способствовало окончательному согласованию области Газы Палестинской к церковному совету, гарантируя, что Иерусалим останется в том же вероисповедании, что и Рим с Константинополем.

Исследование сборника Aporhthegmata также подтверждает, что аскетические достоинства: смирение, повиновение и самообладание как бесконечные идеалы были приняты многими монахами и отцами церкви.

Когда-то между соборами в Эфесе (431 г.) и Халкидоне (451 г.), другой египетский отец из скита переселился в область Газы, сначала попытавшись найти изолированный приют в другом месте в Палестине.

Авва Исаяя расположился около Таваты в месте под названием Бейт Дальфа.

Чтобы достичь уединения, которое он искал, Исаяя заключил себя в клетку и отказался видеть любых посетителей. Связь с теми, кто приезжал, чтобы поговорить с ним, происходила через ученика, которого он привез вместе с ним из Египта по имени Петр. Несмотря на его физическую изоляцию, Исаяя стал духовником кинонии, которую возвели вокруг него. Этот образец жизни, за которой Исаяя следовал в течение почти пятидесяти лет, станет моделью, принятой в следующем поколении Варсонофием, его последователем из Египта.

Халкидонский собор (451 год), который установил декретом, что у Христа было две природы (один человек и один божественный) объединенные в одном человеке, вызвал серьезные подразделения в Восточной церкви. Много восточных христиан отклонили формулу, спроектированную в совете, потому что боялись, что это слишком сильно отделило человечество Христа от его богословия, уступив несторианской ереси.

Отсутствие духовного согласия угрожало подорвать политическое единство в Византийской империи, и императоры с пятого по седьмой век усиленно работали, с небольшим длительным успехом, чтобы достигнуть христианского положения, которое объединит все их задачи. По всей Палестине монахи, а также епископы, высказали свои мнения о проблемах христианизации и Халкидонском соборе. Конкуренция между городами Газой и Маиумой, вероятно, способствовала противоположным сторонам их лидеров в христианском противоречии. Маюма имел среди ее епископов двух самых откровенных противников Халкидонского собора в Палестине, в то время как город Газа остался поддерживающим про-халкидонских патриархов Иерусалима⁷⁶.

К середине VI века многочисленные христианские сообщества Газы Палестинской были самостоятельно расколоты во фракции, но, хотя Газа являлась преимущественно христианским городом, значительное количество религиозных меньшинств в нем осталось: аскетические христианские святые Варсонофий и Иоанн (переписка которых служит важнейшим источником информации по монашеству Газы) приняли как должное, что их ученики жили в религиозно различных сообществах в городе или в соседних деревнях.

Монахи Палестины часто активно вовлекались в теологические споры, которые разрушили область Газы в течение V-VI веков. Монашеская оппозиция была первой проблемой, решенной урегулированием Халкидонского Собора после того, как Епископ Иерусалима, Ювенал, возвратился домой с Халкидонского Собора.

Монастыри Иудейской пустыни также стали центрами борьбы с обучением богословию. Теолог из Александрии, Ориген свободно размышлял о подчинении Сына Отцу, предварительному существованию душ и возможности, что даже дьявол может быть искуплен.

⁷⁶ Усков Н.Ф. Христианство и монашество в Западной Европе раннего средневековья. Германские земли II-III – середина XI в. – СПб., 2000. – С.124.

Воспитанные на учениях, тщательно установленных церковными советами со времен Оригена, много христиан в VI веке сочли эти ранние идеи еретическими. Роль, которую играет Варсанофий в этих спорах, не так очевидна как, например других монашеских лидеров, таких как Савва и Питера Иберийского. После смерти Варсанофия византийские писатели защитили богословие Великого Старца и членов его круга против обвинений иноверия.⁷⁷

Противоречие по оригенизму разрушило монашескую жизнь Палестины в шестом веке. Кирилл из Скифополя - главный исторический источник для описания конфликта. Обвинение в оригенизме было сначала против некоторых членов одного монастыря в Иудейской пустыне, новой лавре. Монахи – оригенисты были высланы из новой лавры приблизительно в 514 году и отправились в область Элевтерополя и Аскалона.

Там они смогли обратиться в веру и стать весомой причиной относительной слабости патриарха Иерусалима. Возможно, что монахи около Газы слышали об обучении Оригена от монахов, высланных из новой лавры. Они также были "начитанны" и читали для себя работы Оригена и Дидима и других писем учеников (Письмо 600). Когда братья приблизились к своему духовному отцу Варсанофию с вопросами об этих текстах, они использовали цитаты оттуда и просили объяснение. Великий Старец отказался обсуждать предсуществующие души или продолжительность заключительного наказания.

Две темы, страстно обсужденные в кругах оригенистов: «Это обучение греков. Это слова без работы мужчин, которые думают, что они - кто-то!» (Письмо 600). Вместо такого предположения, он советовал им "идти «в ногу с отцами»; практикуя смирение, повиновение, слезы, аскетизм, бедность и отчуждение. Варсанофий, согласно его привычке, привлек внимание его учеников назад к практической задаче - их собственном духовном формировании. Вместо спорных писем, он предложил им прочитать высказывания и

⁷⁷ Карсавин Л.П. Монашество в Средние века. — М.: Ломоносов, 2012. — С.104.

жития отцов. Варсонофий не пытался ограничить подверженность его учеников спорным письмам или людям; вместо этого он поддержал открытый диалог с монахами .

Несомненно, эти два отшельника чувствовали большую степень безопасности и уверенности в себе, чем когда-либо имел духовный лидер в более ранних веках.⁷⁸

В V-VI вв. наибольшей популярности достигла газская школа риторики, основанная на стилистически близкой к александрийской школе.

Здесь учили владеть стихом и прозой, давали знания классической литературы и мифологии. В числе руководителей школы известны: Тимофей, написавший книгу по грамматике и трактат об экзотических животных гекзаметром (сохранилось краткое изложение содержания в прозе); Эней Газский, в сочинении которого, посвященном бессмертию души, христианство сочеталось с неоплатонизмом (диалог «Феофраст»); поэт и грамматик Иоанн Газский - автор анакреонтических стихотворений и описания гекзаметром росписей в термах Газы, Прокопий Газский и его преемник и ученик Хорикий Газский.

В Газе не только пересекались торговые пути, но и, благодаря её многонациональности, встречались различные религиозные течения: христианство, язычество, иудаизм и манихейство. Необходимо заметить, что самоидентификация жителей византийской Палестины проходила не по национальному признаку, а по их религиозной принадлежности.

О численности их представителей достоверно ничего не известно, кроме того, что, несмотря на долгое сопротивление христианству, к VI веку большую часть населения Газы стали составлять христиане.

С опасениями по поводу обращения в христианство в Газе, значительно рассеянном в VI веке, христианское население могло повернуться к строительству и созданию монашеского сообщества. По всему

⁷⁸ Hevelone-Harper, Jennifer L. *Disciples of the Desert: Monks, Laity, and Spiritual Authority in Sixth-Century Gaza*. – Baltimore, 2005. – С. 16-17.

средиземноморью мужчины и женщины приняли решение оставить их семьи и участвовать в организации новых социальных условиях, формируя, таким образом, новое раннехристианское монашество.

Отшельники жили как отшельники в группах по два или три человека, и общинные монахи присоединились к многочисленным хорошо организованным монашеским сообществам. Христианские отшельники пропагандировали жизнь духовной дисциплины, характеризуемой молитвой, постом и безбрачием.

Можно сделать вывод, что к VI веку монашество Газы достигло своего расцвета, в том числе и благодаря иммиграции прославленных подвижников из Скита, что было предопределено религиозными движениями прошлых столетий и привлечением большого числа иных этнических групп на территорию Газы, славившейся своей мультикультурностью и открытостью к чужеродному влиянию ещё со времён первых финикийских путешествий в это регион вплоть до ранневизантийского периода, которому посвящена данная работа.

Таким образом, центр монашеской традиции в это время уже окончательно переместился из Египта в регион Газы, где сложилась собственная и неповторимая уникальная монашеская школа, исчезнувшая только в результате неоднократных вторжений в регион армий Сасанидского Ирана и последующего завоевания Палестины арабами в VII веке, но, тем не менее, заложившая основу для создания будущих европейских (и даже российской) монашеских школ, испытавших на себе её серьёзное влияние учения виднейших представителей ранневизантийской восточнохристианской мысли.

ГЛАВА II. РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ И РИТОРИКИ В ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ГАЗЕ

3.1. Прокопий Газский

Наибольшего процветания Газа достигла в византийскую эпоху (IV-VI вв.), став важным пунктом на пути христианского паломничества. Время появления христиан в Газе не установлено, но известно, что в нач. IV в., при императоре Диоклетиане, много христиан приняли здесь мученичество, в т. ч. св. Сильван, «епископ Церквей в окрестностях Газы» (Euseb. Hist. eccl. VIII 13. 5). В правление императора Юлиана (361-363) здесь был уничтожен монастырь одного из создателей монашества в Палестине, преподобного Илариона Великого. Пытавшегося защитить христиан наместника провинции заключили в тюрьму по приказу императора (Sozom. Hist. eccl. III 14; V 9).

Христианская община Газы была мала, хотя жители портового пригорода Маюмы крестились почти поголовно. Маиума сохранила своего епископа (Euseb. Hist. eccl. IV 38; Sozom. Hist. eccl. II 5; V 3). В Газе имели место и конфликты между арианами и сторонниками св. Афанасия I Великого: в 341 г. ариане сместили епископа Асклепия; он был вновь поставлен только благодаря вмешательству папы Юлия и императора Констанция II (Socr. Schol. Hist. eccl. II 15, 23; Sozom. Hist. eccl. III 8).

Прокопий родился в беспокойное для религии время и жил в Газе, где руководил местной школой риторики. Прокопию принадлежат толкования на многие книги Ветхого Завета, и он считается первым составителем экзегетического свода толкований.

Самыми известными христианскими сочинениями Прокопия являются сочинения на богословскую тематику: комментарии на библейские книги, притчи Соломона и книги пророков.

Прокопий часто опирался на работы отцов Церкви (Кирилл Александрийский, Василий, Григорий Богослов), однако, использовал новые формы – именно он считается создателем жанра катен – особого вида комментариев на полях.

Прокопий Газский стал одним из наиболее Газской школы риторики V—VI вв., что неизбежно предопределило синтез классического и христианского наследия в его творчестве: христианских и мифологических образов и идей.

В наследии Прокопия выделяется «античная» часть:

- декламации («О весне I», «О весне II», «О розе»);
- панегирики (Императору Анастасию; Стратигу Азиатику);
- экфрасисы («Орологий» и «Федра и Ипполит»);
- этопеи («О пастухе», «О морской торговле», «Об Афродите», «О Фениксе»);
- письма⁷⁹ (более 150).

Его переписка также содержит много сведений об отношениях с коллегами-профессорами и дает хорошее представление об академической среде в Газе, Антиохии и Александрии⁸⁰. Прокопий пишет к родным, друзьям, коллегам и ученикам, рассматривая широкий спектр вопросов.

Наиболее важное значение исторического источника имеет корпус писем Прокопия, в которое включают 166, а в последнее издание Эудженио Амато (2010) — 174 письма (в «Греческой патрологии» — 104). В письмах Прокопий предстает как меценат и любезный учитель, который поддерживал хорошие отношения со своими учениками. Его переписка также содержит много сведений об отношениях с коллегами-профессорами и дает хорошее представление об академической среде в Газе, Антиохии и Александрии.

⁷⁹ Procopius Gazaеus. *Opuscula rhetorica et oratoria / omnia primum collegit, edidit, apparatu critico instructi E. Amato, adiuvante G. Ventrella.* – Berlin-New York, 2009.

⁸⁰ Болгова А.М. Хорикий из Газы: античная риторика как форма для византийской школы // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 19 (96). Вып. 17. – Белгород, 2011. – С. 48.

Прокопий обращается в своих письмах к широкому кругу людей — родственников, друзей, коллег, риторов, учащихся.

В письмах наибольшее проявления получает парадокс, позволяющий сочетать опыт античной пышнословной риторики и высокоморальных идей христианского учения.

Исключительный статус исторического источника имеет «Панегирик императору Анастасию» в 30 главах, написанный в прозе и содержащий, что не удивительно, характерные для античных сочинений элементы⁸¹.

Часть его «античных» идей продолжила свою жизнь в работах его ученика и преемника — Хорикия Газского, а деятельность Прокопия в качестве руководителя Газской школы риторики предопределила развитие этого города как интеллектуального ранневизантийского центра.

Часто ученый в нем как бы оттесняет человека на второй план, однако, за сложностью литературного стиля Прокопия мы можем увидеть и определенные черты его внутреннего мира. Вместе с дружбой и семейными связями, наибольшее значение имеют его отношения с учениками. Аудитория Прокопия предстает как сообщество, которое разделяет те же нравственные ценности и культурные вкусы, что и он. В рамках этого сообщества искусство Прокопия находит своё оправдание: он является «софистом», то есть, арбитром красноречия и, в то же время, высокоморальным человеком, христианином, который может вести своих современников в нужном направлении, напоминая им о добродетельных примерах. Картина образов адресатов Прокопия, предстающая в его письмах, совпадает с описанием Газы и аудитории ритора как «роя мудрых пчел», который пытается обрести взвешенный баланс между классическим наследием и христианской духовностью.

Прокопия Газского в должности руководителя Газской школы сменил его ученик — ритор Хорикий, продолживший «античную» часть творчества

⁸¹ Прокопий Газский. Панегирик императору Анастасию // Классическая и византийская традиция. 2016. — Белгород, 2016. — С. 143—161.

Прокопия (принадлежность некоторых декламаций Прокопию или Хорикию до самого недавнего времени была предметом дискуссий, настолько они сходны).

В Газской школе, по-видимому, родился жанр катен («цепей»)⁸² — маргиналий к христианским богословским текстам в виде цитат из Св. Писания и более ранних богословов. Газа как центр монашества и Газская богословская школа существовали независимо от городской школы риторики.

Ранневизантийская Газа предстает как крупнейший центр интеллектуальной жизни Восточного Средиземноморья. С этим городом прямо или косвенно связаны такие авторы сохранившихся сочинений, как: историки — Эрмий Созомен, Захария Ритор; риторы — Зосим Газский; Зосим Аскалонский; Эней Газский; Прокопий Газский; Хорикий; философ — Исидор Газский; учёные — Тимофей Газский; Евтокий Аскалонский; поэты — Иоанн Газский; Тимофей; Георгий; Косма Маюмский; богословы и монахи — авва Исая; Петр Ивер; Иоанн Руф; Севир Антиохийский; авва Дорофей; Варсануфий и Иоанн⁸³.

Среди писателей, прошедших подготовку в школах Газы, одним из самых известных был Прокопий Кесарийский, крупнейший историк царствования Юстиниана. Стиль Прокопия показывает, что Фукидид, должно быть, был любимым образцом в классах Газы, и что также ученики должны были внимательно прочитать и Геродота⁸⁴.

По словам Гленвилла Дауни, «..вся атмосфера в Газе была благоприятной, чтобы стимулировать литературное творчество. Александрия и Константинополь смогли привлечь и удержать уважаемых профессоров, но ни один - оживленный морской торговый порт, ни другой - имперская

⁸² См. подробнее: Болгова А.М. От схолий к катенам: христианизация комментариев к текстам в Газской школе // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 7 (126). Вып. 22. – Белгород, 2012. – С. 74-78.

⁸³ Downey G. Gaza at Early Sixth Century. – Norman, 1963. – P. 211.

⁸⁴ Лемерль П. Первый византийский гуманизм. – М., 2012. – С. 200.

столица и деловой центр империи, не мог дать те условия, которые Газа предлагала для студентов и преподавателей...»⁸⁵.

Можно сделать вывод об исключительной важности деятельности Прокопия для создания Газской риторической школы и развития христианского учения, распространяемого теперь новыми методами в новых формах на всей территории восточных провинций.

3.2. Авва Дорофей

Несмотря на то, что газское монашество оставило после себя много источников и повлияло на всю монашескую традицию, Газа и её окрестности не привлекали внимание исследователей, так как их интерес сосредотачивался в основном на монашестве Египта, Сирии, Малой Азии и, более всего, Западной Европы.

Начало серьёзной разработки истории христианской Газы было положено только в XX веке плодотворными исследованиями французских и бельгийских монахов, чья деятельность была связана с изучением восточного христианства: Симеона Вайе (Simeon Vailhé), Люсьена Реньо (Lucien Regnault), Мишеля ван Парейса (Michel van Parys), Франсуа Нейта (François Neyt). Благодаря их стараниям, был образован необходимый фундамент для более глубокого изучения этой темы. За последние два десятилетия стало появляться всё больше работ в разных странах, университетах и научных центрах, что свидетельствует об увеличивающемся интересе к этой теме во всём мире.

История газского христианства стала активно разрабатываться итальянскими исследователями. Благодаря усердиям этих учёных появились работы, прояснившие многие частные вопросы христианской жизни Газы и её окрестностей, но в силу большого количества материала, общая картина её

⁸⁵ Downey G. Gaza at Early Sixth Century. – Norman, 1963. – P. 213-214.

истории остаётся практически не исследованной и требует дальнейшей разработки в различных аспектах: духовном, социальном и материальном. В 2009 году была образована международная группа по изучению ранней монашеской традиции на материале, происходящим из региона Газы V - начала VI века.

Самый известный представитель газского монашества в Западной Европе и в России - это авва Дорофей. В его сочинениях воплотилась вся предшествующая традиция газской школы. О его огромном влиянии на духовную культуру свидетельствует большое количество греческих рукописей (=250) и множество переводов его сочинений на разные языки.

Впервые сочинения аввы Дорофея были переведены на латинский язык в XI веке в первом бенедиктинском монастыре, Монте-Кассино, и очень быстро приобрели популярность среди монахов разных орденов: бенедиктинцев (среди которых было 4 автора переводов его сочинений), доминиканцев, картезианцев и кармелитов.

Особое впечатление они произвели на Л. Реньо, основателя ордена траппистов, который перевёл сочинения аввы Дорофея на французский язык и написал его первую биографию; не без внимания их оставил и его противник, маврист Жан Мабильон, рекомендовавший их к чтению⁸⁶. Сочинения аввы Дорофея сильно повлияли и на основателя «Общества Иисуса» Игнатия Лойолу. Ряд исследователей, изучавших его творчество, считает, что знаменитая практика испытания совести, является заимствованием именно из «Поучений» аввы Дорофея. Впоследствии иезуиты ввели его сочинения в достаточно краткий список.

Более всего «Поучения» аввы Дорофея стали популярны в России. В своих известных очерках о древнерусской святости Георгий Федотов поражался близости палестинского идеала святости к религиозной жизни Руси. «Палестинское монашество, - по его мнению, - было той веткой восточного монашеского древа, от которой отделилась русская отрасль». Из

⁸⁶ Mabilion J. Traité des études monastiques. – P., 2001.

многих плодов этого дерева для русских читателей всегда были особенно дороги поучения аввы Дорофея. Дело в том, что русское монашество переняло с Афона традиционный круг произведений, читаемых за трапезой, в который входили и «Поучения» аввы Дорофея. По этой причине, «Поучения» были одними из наиболее часто копирувавшихся текстов в монастырских скрипториях и оказали большое воздействие на русскую монашескую культуру. Известно, что его сочинения особо повлияли на творчество Нила Сорского, Иосифа Волоцкого и протопопа Аввакума.

Авва Дорофей обращался в своих поучениях к монахам, однако, в отличие от всей другой монашеской литературы, в его проповеди практически не содержится ничего адресованного только монахам. Неизвестный автор древнего предисловия к его сочинениям пишет о том, что авва Дорофей говорил просто и доступно и тем самым достигал сердца каждого: и мужчины и женщины, и клирика и мирянина, монаха и семейного человека (Ер. ad fr. 6:15-19). Несмотря на это, долгое время «Поучения» аввы Дорофея оставались на Руси преимущественно монашеским чтением, и только в современной России они вышли из монастырских стен и стали чрезвычайно популярны в народе.

Во многом этим мы обязаны Карлу Густаву-Адольфу Зедергольму. Будучи сыном протестантского пастора, он принял православие с именем Константин, когда учился в Московском университете. В это же время он перевёл «Поучения» аввы Дорофея на русский язык. Впоследствии Константин Зедергольм принял монашество в Оптиной пустыни с именем Климент и стал келейником старца Амвросия Оптинского.

Там же вышел и перевод «Душеполезных поучений преподобного аввы Дорофея», к которому старец Амвросий составил индекс. Вплоть до наших дней он перепечатывался более сотни раз. Русский перевод о. Климента (Зедергольма) отличается ясностью и доступностью изложения, что свойственно и самим поучениям аввы Дорофея. Яркую оценку этой работе даёт сербский исследователь Амвросий Веселинович, сравнивая её с письмом

любящей матери к любимому сыну. Этот перевод настолько вдохновил Амвросия Веселиновича, что он стал с воодушевлением изучать наследие газской школы в Афинском университете. Оптинские переводы аввы Дорофея и его учителей Варсануфия и Иоанна Газских сильно повлияли и на творчество Ф.М. Достоевского, так, некоторые исследователи считают, что образ старца Зосимы из «Братьев Карамазовых» был навеян именно этими текстами .

Несмотря на такую популярность, русскому читателю до сих пор приходилось довольствоваться только кратким вступлением переводчика, в котором ошибочно указан даже век жизни преподобного. Из-за отсутствия доступных исторических исследований об авве Дорофее произошло немало неточностей и ошибок в библиотечных каталогах, а также в справочной литературе, где повсеместно ему приписываются чужие сочинения и указывается неправильное время его жизни.

Изначально все работы, посвящённые творчеству аввы Дорофея, принадлежали западнохристианской традиции. В Европе сочинения аввы Дорофея начали изучать с XVII века. В основном исследователей интересовало его богословие, сильно повлиявшее на монашескую традицию Востока и Запада. Излагая его биографию, они, как правило, ограничивались краткими вступлениями, поэтому работы никак нельзя считать научными.

Несмотря на то, что изучение общей истории газского монашества началось совсем недавно, личность и сочинения аввы Дорофея привлекали многих исследователей, начиная с XVII века. В первых работах, посвящённых его жизни и творчеству, была подготовлена основа для их дальнейшего изучения, например, было установлено время жизни аввы Дорофея и основные источники, из которых мы можем почерпнуть о нём информацию. В течение XX века исследовательский интерес к «Поучениям» аввы Дорофея сосредоточился на подготовке критических изданий текстов, входящих в корпус его сочинений.

Начало научного изучения жизни аввы Дорофея было положено независимо друг от друга: в Греции и в Западной Европе, но в свете недавних исследований в этом ряду наибольший интерес представляет труд Дженнифер Хевелон-Харпер⁸⁷, посвящённый проблеме духовной власти в Газской монашеской школе.

Из всех этих работ лишь вступительная статья Эрика Уилера к английскому переводу содержала значительную историческую часть, во всех же других исследованиях, она была представлена только в общих чертах, тогда как основу их исследований составляли богословская и филологическая части.

Таким образом, в науке не было специального исследования, написанного с целью изучения биографии аввы Дорофея.

Так, в современной историографии бытуют разные мнения о том, где родился авва Дорофей: в Антиохии (однако, эта теория не имеет веских доказательств) или в Газской области.

Традиционно, однако, принято было считать, что преподобный Дорофей был родом из Аскалона и раннюю молодость провел с семьёй в Газе. Изучал светские науки; возможно, его учителем был Прокопий Газский. Семья Дорофея была состоятельной (в житии преподобного Досифея, ученика аввы Дорофея, сообщается, что брат Дорофея на свои средства построил в монастыре аввы Серида лечебницу). Причины, побудившие Дорофея оставить мир и уйти в монастырь, неизвестны, так же, как и возраст, в котором он принял постриг. Известно, что монашеский постриг он принял не сразу, а проживал некоторое время рядом с монастырём, используя средства своего большого наследства.

Дорофей и учился, по-видимому, в Александрии, признанном тогда центре образования. Там же он получил и медицинские знания. Ко времени окончания учёбы Дорофея относится его встреча с аввой Зосимой,

⁸⁷ Hevelone-Harper, Jennifer L. *Disciples of the Desert: Monks, Laity, and Spiritual Authority in Sixth-Century Gaza*. – Baltimore, 2005.

повлиявшая на его желание стать монахом. Возможно, именно авва Дорофей записал и издал беседы аввы Зосимы.

Поступив в монастырь преподобного Серида, Дорофей стал келейником святого Иоанна Пророка и был его послушником в протяжении десяти лет. Основным его послушанием в монастыре был приём странников, к которому он проявлял великое терпение и усердие. Он был наставником преподобного Досифея. Не ранее 540 года, после смерти игумена аввы Серида и святого Иоанна Пророка Дорофей удалился из общежития аввы Серида. Возможной причиной этого стало желание братии избрать его игуменом, от чего он по смирению отказался. Вскоре рядом с Дорофеем начали селиться другие монахи, и он основал собственный монастырь, настоятелем которого был до самой смерти.

Авва Дорофей знаменит своим литературным наследием: поучениями (числом 21), посланиями (числом 10) и записью ответов старцев Варсонофия Великого и Иоанна Пророка на вопросы преподобного Дорофея (числом 87). Труды аввы Дорофея являются классикой аскетической литературы, изучаются монашествующими и мирянами как источник анализа помыслов и движений души христианина. Сочинения аввы Дорофея включены в 88-й том *Patrologia Graeca*.

Все эти послушания напрямую связывали Дорофея с миром людей, и потому наложили особый отпечаток на его учение, которое было сосредоточено не на прохождении аскетических подвигов, а, прежде всего, на постижении любви к ближнему. Его жизнь показывает нам пример социального служения византийского монастыря миру. Монахи были не только организаторами больничного дела, но и служителями страждущих. Несмотря на то, что социальная активность, могла угрожать идеалу монашеской созерцательной жизни, духовные руководители монастыря, где подвизался авва Дорофей, считали её необходимой для монаха и, даже более важной, чем аскетические подвиги.

После смерти аввы Иоанна, первое время Дорофей жил в своём родном монастыре и помогал новому неопытному настоятелю. Монастырская братия разрасталась и оттого через некоторое время возникла необходимость отделения части братии для основания новой общины, что побудило Дорофея уйти из родной обители и основать свой монастырь. Из поучений и посланий аввы Дорофея очевидно, что этот новый монастырь был кинувийного уклада и имел, как и монастырь аввы Серида, прилегающие к нему келии анахоретов.

К этому времени своими служениями Дорофей приобрёл милостивое сердце, способное сострадать любому человеку. Он питал алчущих, поил жаждущих, одевал нагих, принимал странников и заботился о них, ухаживал за больными, утешал печальных, наставлял немощных, и не воздавал за зло, которое делали ему другие. Этим же он продолжал заниматься и в новом монастыре, поучая братию самим своим примером. Несмотря на слабое здоровье, он прожил долгую жизнь и скончался в преклонных годах, благодаря приобретённому им душевному спокойствию и всегда доброму расположению духа.

В 600 году Иоанн Мосх упомянул монастырь Дорофея, расположенный близко к Газе и Маюме; это, возможно, было монастырем Серила в Тавате или, возможно, другим основанном позже Дорофеем⁸⁸.

Рассмотрение основных этапов жизни и деятельности аввы Дорофея находится в тесной зависимости от современного состояния изучения газского христианства. Одним из вопросов, привлекающих сейчас особое исследовательское внимание, является вопрос христианизации Газы.

Несмотря на то, что изучение общей истории газского монашества началось совсем недавно, личность и сочинения аввы Дорофея привлекали многих исследователей, начиная с XVII века. В первых работах, посвящённых его жизни и творчеству, была подготовлена основа для их дальнейшего изучения, например, было установлено время жизни аввы

⁸⁸ Герье В. Западное монашество и папство. – М., 1913. — С.67.

Дорофея и основные источники, из которых мы можем почерпнуть о нём информацию. В течение XX века исследовательский интерес к «Поучениям» аввы Дорофея сосредоточился на подготовке критических изданий текстов, входящих в корпус его сочинений. Наша работа продолжает эту традицию внешней критики текстов, относящихся к авве Дорофею.

Можно сделать вывод об исключительной важности деятельности аввы Дорофея для развития такого уникального феномена как ранневизантийское монашество, поскольку именно его стяжание дало возможность для самостоятельного развития данного института, хотя в биографии самого аввы ещё остаётся множество белых пятен, представляющих интерес для будущих исследований.

3.3. Варсонофий Великий

Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн Пророк жили в VI веке, в царствование императора Юстиниана I (483 - 565). Они подвизались в монастыре аввы Серида, в Палестине, близ города Газы.

Живя в регионе, погруженном в монашеской традиции, Варсонофий не хвастался о своей духовной родословной. Мы знаем, что он приехал из Египта, колыбели монашества Газы, но ни Варсонофий, ни любой из его коллег никогда не упоминали имя его собственного духовного отца. Он неоднократно использовал фразы в своих письмах, "как апостол говорит" и "отцы сказали"⁸⁹.

Варсонофий интерпретировал установленную традицию духовности в новом контексте. В его письмах между египетскими отцами пустыни и их учениками: «Дайте мне слово, Авва» и «Авва, молитесь обо мне»: эти рефрены - знакомые риторические формы, используемые всюду в египетской монашеской литературе. Однако тесные связи между содержанием и формой

⁸⁹ Апраксин С.А. Аскетизм и монашество. Евангельские, биологические и психологические их основания. – Киев, 1907. — С.15.

«Arophthegmata Patrum» и перепиской Варсонофия и Иоанна не должны затенять различия.

«Arophthegmata» представляет богатую устную традицию; Варсонофий и Иоанн общались через письменный диалог, так как обрекли себя одиночеством. «Arophthegmata» показывает аскетические достоинства, такие как смирение, повиновение и самообладание, как бесконечные идеалы, разделенные многими монашескими отцами.

Преподобный Варсонофий родился в Египте (год его рождения неизвестен). С юных лет он стал вести жизнь подвижническую. Известно, что, придя в монастырь аввы Серида, он устроил себе малую келью вблизи монастыря (келии на Востоке часто вырубались в виде пещер). Позднее в этой келье прожил 18 лет - до своей кончины - ученик преподобного Варсонофия, преподобный Иоанн, подражая своему учителю в безмолвии, подвигах и усвоении добродетелей. За дар прозорливости он получил название Пророка.

Преподобный Варсонофий через некоторое время перешел в другую тесную келью, тоже близ монастыря. Для полного безмолвия удалившись от людей, не видя никого, питаясь только хлебом и водой, преподобный провел 50 лет в трудах и подвигах.

Когда услышал о подвижнике Патриарх Иерусалимский Евстохий, образ жизни преподобного Варсонофия показался ему невероятным. Он решил убедиться в нем лично. Для этого велел тайно проникнуть в келью преподобного. Однако пытавшиеся сделать подкоп в тесное помещение святого были опалены вырвавшимся пламенем. В своем затворе преподобный Варсонофий всецело предался молитве и достиг высокой степени духовного совершенства. О жизни, подвигах и благодатных дарованиях святых Варсонофия и Иоанна сохранились свидетельства в рукописях.

Хотя самая ранняя сохранившаяся рукопись, содержащая некоторые даты переписки Варсонофия и Иоанна, X века, состоящая из 40 писем, точно

отражает социальные и религиозные мировоззрения VI века. Этот показатель особенно важен, потому что в следующем веке исламские завоевания византийской Палестины и Египта существенно изменили бы политическую и духовную действительность Газы. Монах из монастыря во время периода, когда Варсонофий и Иоанн служили духовниками, собрал письма.

Когда Варсонофий узнал, что некоторые члены сообщества сомневались относительно его существования, он показал себя, выйдя, чтобы вымыть ноги монахов (Письмо 125). В одном публичном акте Варсонофий отставил свою радикальную физическую изоляцию. Компилятор не только скопировал письма от Варсонофия и Иоанна, но и он также прокомментировал каждое письмо, иногда называя получателя, описав ситуацию, которая вызвала переписку, и обычно подведение итогов или цитирование оригинального вопроса.

Этот комментарий мог быть столь кратким, например "Другой набожный мирянин спросил Великого Старца, должен ли он оставить свою жену, чтобы стать монахом" (Письмо 662). В других случаях компилятор добровольно предложил намного больше деталей об определенной ситуации просителя. Многие письма принадлежат ряду, адресованному особым людям. Таким образом, возможно восстановить много отдельных рассказов просителей, обращающийся за советом от их духовных отцов. Компилятор объединил эти письма после смертельных случаев аввы Сериды и Иоанна, и полного отказа Варсонофия от контакта с монастырем (543 год)⁹⁰.

Новый авва и сообщество, вероятно, считали письма ресурсом продвижения духовности и, возможно, даже гидом для повседневной жизни в монастыре. Компилятор, ожидая использование переписки сообществом, предупредил в его вводящей части, что письма были написаны широкому составу людей - отшельников, иноков, клерикалов, светских жителей и

⁹⁰ Hevelone-Harper, Jennifer L. *Disciples of the Desert: Monks, Laity, and Spiritual Authority in Sixth-Century Gaza*. – Baltimore, 2005.— P. 25.

новичков - и, поэтому, ответ одному человеку не мог бы быть применим к другому.

Вводная часть привлекает внимание к одной из поразительных особенностей коллекции письма - разнообразие ее аудитории. Компилятор включал письма, адресованные монахам, епископам, и христиан. Широта аудитории дает многомерное изображение духовного направления в кругу Варсонофия. Люди из всех групп общества обратились к Великому Старцу - «авве» и поверили, что он даст советы по поводу их проблем.

Переписка Варсонофия и Иоанна включает приблизительно 850 писем.

Большинство писем адресовано монахам, или проживающим в кельях монастыре или в соседних затворнических клетках. Есть приблизительно пятьдесят писем, написанных епископам. Более чем четверть коллекции состоит из писем, адресованных христианам, которые не были ни монахами, ни духовенством. Переписка по объему почти равномерно разделена между этими двумя авторами; она включает в себя еще приблизительно на пятьдесят писем больше от Иоанна, чем от Варсонофия, но письма Иоанна имеют тенденцию быть короче.

Варсонофий писал в более формальном стиле, чем его коллега, обращаясь часто к священному писанию и к высказываниям отцов пустыни. Письма Иоанна имели тенденцию содержать более практические вопросы, давая краткий, прямой совет.

Просители иногда требовали у Иоанна разъяснения более абстрактного духовного направления, данного Варсонофием.⁹¹

Компилятор распределил письма. Письма названным получателям, главным образом, отшельникам, на первом месте в коллекции, сопровождаемые большим числом писем неназванным монахам в келье. Затем письма неназванным светским жителям, и коллекция завершает письмами епископам. Хотя в целом коллекция письма не устроена в

⁹¹ Hevelone-Harper Jennifer L. *Disciples of the Desert: Monks, Laity, and Spiritual Authority in Sixth-Century Gaza*. – Baltimore, 2005. – P. 27-28.

хронологическом порядке, в пределах коллекции есть много рядов писем людям, в которых письма устроены хронологически и таким образом захватили разворачивающееся взаимодействие между духовным отцом и учеником. Многие из этих рядов отвечают на последовательные вопросы ученика на том же самом предмете; другие письма затрагивают несвязанные темы и группировались только потому, что тот же самый проситель задал вопрос.

Письма Варсонофия и Иоанна обеспечивают уникальное представление о раннем византийском аскетизме. Каждое письмо охватило определенный момент вовремя и ответ на вопрос отдельного просителя. Хотя резюме компилятора прошений часто оставляют историка ни с чем для получения дополнительной информации, они составляют, тем не менее, необычный экскурс в жизнь христиан шестого века.

Письма обеспечивают понимание процесса духовного направления. Они более близко напоминают фактический диалог между духовником и учеником. Переписка также действует как отчет системы духовной власти, захватив взаимодействие между духовниками и их учениками в письменном диалоге⁹².

Варсонофий отказался участвовать в халкидонских дебатах, подтвердив только его преданность Никеи. Ораторство Варсонофия, обращенное к Никеи, признало, что "сторонники несторианства" заслужили осуждения, и поместило его около умеренной нехалкидонской фракции. Однако его отказ с энтузиазмом проклянуть еретиков, связанных с несторианством, соединился с умеренными взглядами, который принял Халкидон. Кроме того, на спорных епископальных выборах в Газе, Варсонофий твердо поддержал халкидонского патриарха Иерусалима⁹³.

⁹² Hevelone-Harper, Jennifer L. *Disciples of the Desert: Monks, Laity, and Spiritual Authority in Sixth-Century Gaza*. – Baltimore, 2005. — P. 38.

⁹³ *Ibid.* — P. 44.

Пример Варсонофия, который убеждал других следовать за лидерством халкидонского патриарха, показывает сложность христологических дискуссий в 6 веке. Известные пристрастные обязательства монашеских лидеров как Сабаса, Иоанна Руфа и Петра Иберийского не должны омрачать менее радикальные мнения членов монашеских и духовных иерархий. Варсонофию не понравились инновации, представленные урегулированием Халкидона, но он все же убедил жителей Газы подчиниться халкидонскому патриарху. Он отговорил своих учеников обсуждать богословие, или считать это ересью.

Мотивированный его глубокой верой, что такие дискуссии разрушили процесс духовного направления, он отказался участвовать в этом противоречии. Сильное намерение Варсонофия помочь его ученикам избежать относящихся к учению споров выросло из его аскетического богословия, которое дало предшествование борьбе отдельного христианина против греха. Это замедление относительно духовного противоречия со стороны влиятельного духовного лидера позже создало бы подозрение о собственном православии Варсонофия.

Монахи продолжали обсуждать учение с оригенистами и читать ох в монашеской библиотеке в Тавате. Они задались вопросом, как Григорий Богослов, Василий Великий (Кесарийский), и Григорий Нисский, отцы церкви с большими репутациями православия, могли обсудить предварительное существование душ, само учение было связано с ересью оригенизма (Письмо 604). Таким образом Варсонофий подтвердил, что духовная власть учителя была очень важна, независимо от той степени святости, которая достигнута учеником.

Когда Евагрий Схоластик написал свою «Церковную Историю» в конце шестого века, никто не общался с Варсонофием больше пятидесяти лет, но многие полагали, что он все еще был жив. Евагрий сделал запись инцидента, который произошел во время патриаршества Евстохия в Иерусалиме.

В попытках заставить замолчать людей, что святой человек был жив, патриарх, приказал уничтожить клетку Варсонофия. Однако этот приказ был оставлен, когда таинственный взрыв пламени от клетки предотвратил подход к ней рабочих. То, что патриарх, подавив оригенизм в Палестине, не смог посетить Совет Константинополя в 553 году, нетерпеливо стремившись опровергнуть слухи, что святой человек жив, демонстрирует, что Варсонофий стал неоднозначной фигурой в течение короткого времени после его полного отчуждения.

Репутация Варсонофия на Востоке осталась запутанной. Имена Варсонофия, Исаии и Дорофея были связаны с ересью. Защитники святых мужчин Газы утверждали, что несколько лиц носили такие же имена. Они отличили отцов Газы от других людей с такими же самыми именами, одним из которых был Софроний, архиепископ Иерусалима (634-38), осужденный в его письме патриарху Сергею. Когда Папа Римский Лев III обвинил Феодора Студита в принятии еретиков (Исаии, Варсонофия и Дорофея) к разрядам святых, Феодор объявил, что уже было три святых с этими именами, а также три еретика. Двусмысленность Варсонофия в христологических проблемах, вероятно, заставила некоторых обвинять его и его коллег еретиками.

Анонимное предисловие к Беседам о Дорофее процитировало защиту Теодора в православии отцов Газы наряду с подтверждением их православия патриархом Тарасием (730-806). предисловие отождествляет рассматриваемую ересь с «ошибкой Севира»; а именно, отклонение от халкидонских идеалов⁹⁴.

Старцы запрещали своим подопечным ввязываться в любые богословские споры и дискуссии, даже в тех случаях, когда в споре проигрывал представитель правильной, с их точки зрения, стороны (QS 694; 695). В беседах ими рекомендовалось остерегаться произносить слова,

⁹⁴ Hevelone-Harper, Jennifer L. *Disciples of the Desert: Monks, Laity, and Spiritual Authority in Sixth-Century Gaza*. – Baltimore, 2005. — P.89.

способные привести к спорам или смутить слушающих (QS 696). И тем более неприемлемыми казались старцам попытки кого-либо анафематствовать.

По их мнению, христиане не имеют права никого проклинать и осуждать, даже если тот будет заведомо еретик (QS 694-696; 699-701). Единственным условием, при котором Варсануфий и Иоанн одобряли участие в богословских дискуссиях, являлись лишь неопределившиеся позиции беседующих и сомнения, которые можно было разрешить. И даже в этом случае следовало говорить со смирением, и воздерживаться от учительства (QS 697).

Автор предисловия подчеркнул, что греческие и Восточные власти подтвердили православие Варсонофия и Дорофея, опираясь на аргумент, что только местные конгрегации приняли их. Для византийских писателей это было окончательным доказательством православия Великого Старца.

Умалчивание Варсонофия о христологии способствовало более поздним предположениям о его православии. Такое умалчивание явилось результатом его веры и того, что теологические дискуссии стали источником отвлечения для многих монахов, и обычных христиан. Как духовник, он знал, что существовали препятствия, которые мешали истинной духовной дисциплине.

Вместо того, чтобы запутаться в опасных дискуссиях, ученик должен зависеть от своего духовного отца для постижения учения. Варсонофий признал, что обоснованная система духовной власти гарантирует не только правильное учение, но также и прогресс духовной жизни для членов общества, которые взволнованы этим.

Можно сделать вывод, что переписка Варсонофия и Иоанна - уникальный источник для изучения динамического взаимодействия между духовными отцами и их учениками. Одной из причин того, что современные ученые не в полной мере использовали письма от Варсонофия и Иоанна, было отсутствие доступности к греческому тексту, но недавняя публикация

критического выпуска с французским переводом готовит путь к рассмотрению этих доказательств.

Коллекция писем привлекла внимание переводчиков, предоставив и историкам, и студентам лучший доступ к критическому основному источнику для социального мира VI века в Византии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведённой работы и изученной темы в зарубежных источниках удалось проанализировать основные этапы развития изучения Сирии и Палестины в отечественной и зарубежной науке.

Можно сделать вывод, что во второй половине XIX – начале XX вв. в Российской империи была создана одна из наиболее мощных национальных школ византологии, достижения которой, однако, были принижены в годы неистовой «безбожной пятилетки», проводимой советским руководством.

Только после Второй мировой войны отечественная наука восстанавливается от подобного потрясения и начинает возвращать утраченные позиции. К 1980-м годам советским учёным удаётся занять свою нишу, однако, ограничения, накладываемые методологической базой марксизма, не позволяют вести максимально эффективную работу.

В то же время каждая из проанализированных европейских школ отличается определённым разнообразием и специализацией, несмотря на тесное сотрудничество, границы которого стремительно расширяются в эпоху всепоглощающей компьютеризации.

Несмотря на позднее включение в изучение проблем византийской истории, американские учёные сумели добиться выдающихся результатов, обратив свой взор, зачастую, на наиболее интересные проблемы из числа неразрабатываемых в предыдущие эпохи, уделив внимание и истории Сирии и Палестины.

В результате проведённой работы и изученной темы в зарубежных источниках удалось воссоздать картину исторического фона Газы Палестинской в VI веке. В сочинениях монахов того времени встречается самое яркое отражение духовного и исторического наследия газского монашества. Основным отличием этой монашеской традиции стала «открытость» газских монастырей внешнему миру, выразившаяся, прежде всего, в организации странноприимства, медицинской помощи, в раздаче

бедным одежды и еды, а также в духовном окормлении жителей окрестных деревень.

Жизнь таких духовников как: Дорофея, Варсонофия и Сивора является уникальным примером социального служения газских монахов миру. Газское монашество получило определенный «местный колорит» благодаря близости святых мест. После нападения на Палестину персов в 614 году и разрушения монастырей арабами, после 630 года (634 – покорение Газы) теряется история газского монашества.

Описываемый в данной работе период является очень важным в истории западного монашества, периодом его становления и развития в Западной Европе. Он представляется весьма интересным в контексте изучения истории западного христианства и всей неразделенной тогда еще Церкви.

История этих территорий, как и изучение историографии, является привлекательной темой для современного исследователя, поскольку позволяет рассмотреть переходную эпоху на примере переходной территории

Представители раннего монашества избегали соседства с городами и многопосещаемыми святыми местами Палестины, стремясь, наоборот, поселиться в спокойных местах и близ языческих святилищ, казавшихся демонскими. Такой подход к выбору места был характерен как для родоначальников египетского монашества, так и для основателей монастырей в Газской области.

Однако, по сравнению с близлежащими египетскими монашескими центрами, где общение даже с ближайшими родственниками воспринималась как нарушение устава, газские монастыри отличались своеобразной «открытостью» по отношению к местному населению. Тесные отношения с миром были свойственны, как мы показали, вообще всему газскому монашеству вопреки распространённому в историографии мнению о том, что уровень «открытости» в монашеских кругах Газы изменялся от поколения к

поколению. Стремление к служению миру превращало монастыри в регионе Газы в центры милосердия, куда могли прийти нуждающиеся.

Газское монашество было более открыто и к разным течениям религиозной мысли, благодаря чему к VI веку оно впитало в себя характерные черты египетского анахоретского монашества и киновийного Василия Великого.

Авва Дорофей был воспитан в традициях газской монашеской школы, а потому в его сочинениях отразилась вся предшествующая традиция. Наибольшее влияние на него произвели апофтегмы египетских пустынников, «Аскетикон» аввы Исаяи и сочинения Василия Великого. К этому необходимо прибавить языческую литературу, изученную им в риторической школе.

Прямые цитаты аввы Дорофея из «Аскетикона» аввы Исаяи и из «Гностических глав» Евагрия Понтийского, также явились следствием влияния газской монашеской среды. Это побудило одних исследователей обвинить авву Дорофея в тайном монофизитстве, а других - в открытом евагрианстве.

По нашему мнению, принадлежность Варсонофия, Иоанна и Дорофея к Халкидону не подлежит сомнению, а в их полном молчании относительно каких-либо догматических вопросов можно усмотреть лишь нежелание ужесточать противников Халкидона, которых в регионе Газы было немало. Не ввязываясь в долгую дискуссию о возможной принадлежности Варсануфия и Иоанна к монофизитству, можно лишь сказать, что пока никому не удалось найти в «Переписке» или в сочинениях их учеников влияние монофизитского учения.

Очевидно, что для Варсонофия и Иоанна важность представляли не теоретические построения и концепции, а воплощение на практике евангельских идеалов, прежде всего, любви к ближнему, каким бы он ни был по своим убеждениям.

Относительно возможного евагрианства аввы Дорофея мы пришли к выводу, что ни Варсонофий, ни Иоанн, ни Дорофей не считали оригенистов и

самого Евагрия еретиками, а потому пользовались их сочинениями в тех аспектах, которые казались им полезными и нееретическими.

Отдельного внимания при рассмотрении процессов христианизации Газы также заслуживает изучение деятельности риторической школы Прокопия Газского и его преемника Хорикия, поскольку их наследие, являясь светским по своей сути, предоставляет в распоряжение исследователя важную информацию о процессах, сопровождавших формирование новой монастырской традиции и монашеской школы, отличающей от более ранних канонических школ Египта и Константинополя, гораздо более разработанных в западной историографии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

1. Варсонофий Великий и Иоанн Пророк. Руководство к духовной жизни в ответах на вопросы учеников. – Режим доступа: <http://predanie.ru/varsonofiy-i-ioann-prepodobnye/book/68048-varsonofiy-i-ioann-rukovodstvo-k-duhovnoy-zhizni/>
2. Димитрий Ростовский. Житие преподобного отца нашего Илариона Великого. – Режим доступа: <https://www.theprayerbook.info/4500-zhitie-ilariona-velikogo.html>
3. Дорофей, авва. Поучения, послания, вопросы и ответы./ авва Дорофей – М.: Благовест, 1991. – 213 с.
4. Древние иноческие уставы, собранные епископом Феофаном. – Режим доступа: <http://baznica.info/article/svyatoi-benedikt-i-ego-ustav-monasheskoi-z/#sthash.ММqуK8Vq.dpuf>
5. Изречения Египетских Отцов / сост. Еланская А. И. – СПб.: Алетейя, 2001. – 384 с.
6. Иоанн Малала. Хронография. Книги XIII-XVIII / Мир поздней античности. Документы и материалы. Вып. 2. – Белгород, 2014. – 200 с.
7. Послание Тарасия, Святейшаго патриарха Константинополя, новаго Рима, к Адриану, папе древняго Рима. – Режим доступа: <http://russiantheory.ru/?p=1151>
8. Преподобный Дорофей, авва Палестинский. Душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсонофия Великого и Иоанна Пророка. – Режим доступа: https://bookz.ru/authors/prepodobnii-avva-dorofei/dubepole_101/page-5-dubepole_101.html

9. Прокопий Газский. Пнаегирик императору Анастасию / Пер. Н. Н. Болгова, А. М. Болговой // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород, 2016. – С. 143–161.

10. Устав Императорского православного палестинского общества. – Режим доступа: <http://ricolor.org/russia/ippo/130/io/vistavka/ustav/>

11. Устав лавры св. Саввы Освященного. Режим доступа: – http://www.abc-people.com/shop/cava_reverend.htm

12. Феодор Студит. Творения. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/studit_1/

13. Церковная история Эрмия Созомена Саламинского. СПб., 1851. 636 с.

Исследования

14. Апраксин, С.А. Аскетизм и монашество. Евангельские, биологические и психологические их основания / С.А. Апраксин – Киев: Тип. Киево-Печ. Успен. лавры, 1907. – 116 с.

15. Базили, К. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях / К. Базили – СПб.: Индрик, 1994. – 608 с.

16. Болгова, А.М. Прокопий Газский и его наследие в европейской историографии / А.М. Болгова // Власть и общество: механизмы взаимодействия и противоречия. Воронеж, 2014. – С. 314–318.

17. Болгова, А.М. Прокопий Газский: ритор и богослов / А.М. Болгова // Проблемы истории, филологии, культуры. – № 2. –2014. – С. 101—107.

18. Болгова, А.М. Риторическая структура панегириков Прокопия Газского и Присциана / А.М. Болгова, Ю.Н. Агаркова // Классическая и византийская традиция. 2014. – Белгород, 2014. – С. 177–185.

19. Болгова, А.М. Хорикий из Газы: античная риторика как форма для византийской школы / А.М. Болгова // Научные ведомости БелГУ. История.

Политология. Экономика. Информатика. – № 19 (96). – Вып. 17. – Белгород, 2011. – С. 44-51.

20. Болгова, А.М. Ритор Хорикий и Газская школа / А.М. Болгова, Н.Н. Болгов // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – № 7(102). Вып. 18. – Белгород, 2011. – С. 65-71.

21. Болгова, А.М. Обобщающее исследование по истории ранневизантийской Палестины / А.М. Болгова, А.Ю. Рышковская // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 15(158). -Вып. 27.- 2013. -С. 52-54.

22. Вальденберг, В.Е. История византийской политической литературы. / В.Е. Вальденберг – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. – 535 с.

23. Васильев, А.А. История Византийской империи. / А.А. Васильев – СПб.: Алетейя, 2000. – 986 с.

24. Васильевский, В.Г. Труды. / В.Г. Васильевский – СПб.: Наука, 1908-1930. – 868 с.

25. Ведешкин, М.А. Языческая оппозиция христианизации восточноримского города (на примере Газы Палестинской) / М.А. Ведешкин // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 1 (144). Вып. 25. - Белгород, 2013. - С. 11-18.

26. Герье, В. Западное монашество и папство / В. Герье – М.: Печатня С.П. Яковлева, 1913. – 334 с.

27. Дестунис, С.Ю. Византийские историки, переведенные с греческого языка при Санкт-Петербургской духовной академии (СПбДА) / С.Ю. Дестунис. – СПб.: Типография Григория Трусова, 1858-1863. – 302 с.

28. История Византии / под ред. акад. С.Д. Сказкина. Т.3 – М.: Наука, 1967. – 524 с.

29. Каждан, А.П. Византия и Запад в современной буржуазной историографии // Против фальсификации истории / А.П. Каждан, Г.Г. Литаврин, З.В. Удальцова – М.: Издательство АН СССР, 1959. – С. 381-447.

30. Карсавин, Л.П. Монашество в Средние века / Л.П. Карсавин – М.: Ломоносов, 2012. – 196 с.
31. Коковцев, П.К. Христианско-сирийские надгробные надписи из Алмалыка / П.К. Коковцев – М.: Записки, 1905. – 198 с.
32. Кондаков, Н.П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине / Н.П. Кондаков. – СПб.: Издательство императорской академии наук, 1904. – 456 с.
33. Кулаковский, Ю.А. История Византии / Ю.А. Кулаковский. – СПб.: Алетейя, 1996. – 639 с.
34. Культура Византии / под ред. З.В. Удальцовой. – 3 тт. – М.: Наука, 1986. – 2239 с.
35. Лемерль, П. Первый византийский гуманизм / П. Лемерль. – М.: Свое издательство, 2012. – 508 с.
36. Лозовик, Г. 10 лет русской византологии / Г. Лозовик // Историк-марксист. – 1928. – № 7. – С. 228-238.
37. Медников, Н.А. Палестина от завоевания её арабами до крестовых походов по арабским источникам / Н.А. Медников – М.: Типография Киришбаума, 1897. – 734 с.
38. Олесницкий, А.А. Святая земля: в 2-х тт. / А.А. Олесницкий – Киев : Типография Еремеева, 1876. – 928 с.
39. Ростовцев, М.И. Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж / М.И. Ростовцев. — СПб.: Академия наук, 1908. – 120 с.
40. Стасюлевич, М.М. Осада и взятие Византия турками / М.М. Стасюлевич – СПб.: Императорская академия наук, 1854. – 112 с.
41. Тураев, Б.А. Русская наука о Древнем Востоке до 1917 года. Посмертное издание с предисловием акад. И. Ю. Крачковского / Б.А. Тураев – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1927. – 196 с.
42. Усков, Н.Ф. Христианство и монашество в Западной Европе раннего средневековья. Германские земли II-III – середина XI в. / Н.Ф. Усков – СПб.: Алетейя, 2000. – 516 с.

43. Успенский, Ф.И. История Византийской империи / Ф.И. Успенский. – М.: Мысль, 1996. – 827 с.
44. Фрейберг, Л.А. «Апология мимов» Хорикия / Л.А. Фрейберг // Античность и Византия. - М.: Наука, 1975. - С. 319—326.
45. Харден, Д. Финикийцы. Основание Карфагена / Д. Харден. – М.: Наука, 2004. – 262 с.
46. Чехановец, Я.М. «Marnas victus est a Christo». К вопросу о христианизации древней Газы / Я.М. Чехановец // Мнемон. – СПб., 2006. – №5 – С. 419-454.
47. Читти, Д. Град пустыня: Введение в изучение египетского и палестинского монашества в христианской империи / Д. Читти. – СПб.: Алетейя, 2007. – 445 с.
48. Юзефовский, Б. Византийское монашество и монастыри Газы / Б. Юзефовский // Иерусалимский православный семинар. – М., 2013. – №4. – С. 25-34.
49. Ashkenazi, Y. Paganism in Gaza in the Fifth and Sixth Centuries // *Cathedra*. 60. 1991. - P. 106—115.
50. Ashkenazi, Y. Sophists and Priests in Late Antique Gaza According to Choricus the Rhetor / Ed. B. Bitton-Ashkelony, A. Kofsky // *The Christian Gaza in Late Antiquity*. - Leiden; Boston, 2004. - P. 195-208.
51. Barnes, T.D. Christians and the Theater // *Roman Theater and Society*. Ann Arbor, 1996. - P. 178-181.
52. Bitton-Ashkelony, B., Kofsky, A. Gazan Monasticism in the Fourth-Sixth Centuries: From Anchoritic to Cenobitic // *Proche-Orient Chrétien*. 50:1-2. 2000. - P. 14-62.
53. Bolgova, A., Bolgov, N. The Crossroads of Epochs and Cultures: Choricus of Gaza as a mirror of continuity // *L'Ecole de Gaza: espace litteraire et identite culturelle dans l'Antiquite Tardive*. - Paris: College de France, 2013. - P. 2-3.

54. Breasted, J.H. Ancient times, a history of the early world / J. H. Breasted. - NY, 1916. - 283 p.
55. Brown, P. The world of late antiquity. AD 150-750 / P. Brown. - NY 1971. - 226 p.
56. Cameron, Averil. Christianity and the Rhetoric of Empire. - Berkeley; Los Angeles, 1991. - 275 p.
57. Ciccolella, F. «Swarms of the Wise Bee»: Literati and Their Audience in Sixth-Century Gaza // *Epistulae Antiquae IV*. - Louvain; Paris, 2006. – P. 80–95.
58. Downey, G. Gaza at Early Sixth Century. - Norman, 1963. - 175 p.
59. Downey, G. The Christian School of Palestine: A Chapter in Literary History // *Harvard Library Bulletin*. 12. 1958. - P. 297-319.
60. Glucker, C.A.M. The City of Gaza in the Roman and Byzantine Periods / *British Archaeological Reports*. IS, 325. - Oxford, 1987. - P. 51-57.
61. Hevelone-Harper, J.L. Disciples of the Desert: Monks, Laity, and Spiritual Authority in Sixth-Century Gaza. – Baltimore: Maryland, 2005. – 654 p.
62. Jones, Ch. Procopius of Gaza and the Water of the Holy City // *GRBS*. 47. 2007. - P. 455-467.
63. Romeny, B. ter Haar. Procopius of Gaza and His Library // *From Rome to Constantinople. Studies in Honour of Averil Cameron* / Eds. H. Amirav, B. ter Haar Romeny. - Leiden, 2007. - P. 173-190.
64. Rubenson, S. Letters of St. Antony: Monasticism and the Making of a Saint. - Minneapolis, 1995. - P. 120-122.
65. Sivan, H. Palestine in Late Antiquity. - Oxf.-N.Y., 2008. - 302 p.
66. Talgam, R. The Ekphrasis Eikonos of Procopius of Gaza: The Depiction of Mythological Themes in Palestine and Arabia During the Fifth and Sixth Centuries // *Christian Gaza in Late Antiquity* / Ed. B. Bitton-Ashkelony, A. Kofsky. - Brill-Leiden-Boston, 2004. - P. 209—234.
67. *The Oxford Dictionary of Byzantium*. / ed. by A. Kazhdan. - Wash.; N. Y., 1991. 3 vol. - 2018 p.

68. Webb, R. Rhetorical and Theatrical Fictions in Chorikios of Gaza // S.F. Johnson (ed.). Greek Literature in Late antiquity. Dynamism, Didacticism, Classicism. - Aldershot, 2006. - P. 109—123.

69. Westberg, D. The Rite of Spring: Erotic Celebration in the *Dialexeis* and *Ethopoiiai* of Procopius of Gaza // *Plotting with Eros: Essays on the Poetics of Love and the Erotics of Reading* / Ed. I. Nilsson. - Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2009. - P. 187-211.

70. Whittaker, J. Proclus, Procopius, Psellus and the Scholia of Gregory Nazianzen // *Vigiliae Christianae*. 29. 1975. - P. 309-313.

71. Wilson, N.G. *Scholars of Byzantium*. - L., Medieval Academy of America, 1983. - 298 p.